РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 25. 19-го Іюня 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к | Безъ достав и въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

МАРИНОЧКА снова послала горничную къ Никушѣ узнать: не захочетъ-ли онъ наутро проводить ее въ тотъ полицейскій домъ, гдѣ заключена Патрикѣевна?

На это она получила отвѣтъ, что онъ, Никита Узинскій, пойдетъ для нея пѣшкомъ хотя-бы въ Кіевъ, а то хоть въ Іерусалимъ, а вести ее въ острожное мѣсто не согласится, если-бы даже ему угрожали отсѣченіемъ руки или ноги.

Несмотря на полную неудачу, Мариночка все-таки не смутилась и не падала духомъ. Она объяснилась со своей любимицей горничной и разсказала ей все, что намѣрена дѣлать. Шустрая горничная взялась разузнать отъ двоихъ дворовыхъ людей, гдѣ именно находятся Анна Тихоновна и Патрикѣевна.

Поздно вечеромъ, когда Мариночка уже лежала въ постели, горничная пришла и передала ей, что узнала все, такъ что если нужно туда идти, то пускай барышня пошлетъ ее и она все разыщетъ.

Мариночка отъ радости расцѣловала горничную и приказала ей быть у нея на зарѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда солнце еще не поднялось, двѣ женскія фигуры тихонько, тайкомъ вышли изъ дома въ садъ, затѣмъ съ трудомъ перелѣзли черезъ ограду, очутились въ глухомъ переулкѣ и припустились бѣжать. Черезъ часъ или полтора, проблудивъ по переулкамъ Москвы, Мариночка и горничная были уже въ томъ-же зданіи, гдѣ была Патрикѣевна и гдѣ предполагалось предъ полуднемъ начать пытку съ пристрастіемъ.

ЛѢТОМЪ НА ПРОГУЛКѢ. Съ картины Ф. П. Монъ.

Появленіе барышни Зоричъ, заявившей, что виновница во всемъ преступленіи—она сама, произвело между судьями почти такую-же смуту, какая была въ домѣ князей Ягузинскихъ, разница была лишь въ томъ, что приказные, два дьяка, даже нѣсколько солдатъ—всѣ смотрѣли бодро и весело, какъ-будто приключилось что-то особенно хорошее.

Дѣйствительно, попалась въ клѣтку безъ всякой западни, по собственной волѣ, такая рѣдкая птица, что можно было радоваться.

Одинъ изъ приказныхъ остроумцевъ тотчасъ объяснилъ:

— Сколько лѣтъ вотъ мы здѣсь крючкотворствуемъ, а эдакой штуки ни разу не надумали и не состряпали сами. Вѣдь, что у насъ въ рукахъ-то теперь — сама жаръ-птица, которая всѣ блага мірскія заполучила и Иванушкѣ-дурачку предоставила.

XLVII.

Княгиня Елизавета Петровна отъ всего происшедшаго совсѣмъ потерялась. Во всю свою жизнь она никогда не бывала такъ встревожена и ей не случалось такъ ясно чувствовать, что она пропадаетъ; она запуталась въ бѣдахъ, которыя ее обступили кругомъ.

„Будто въ сѣти какія попала!—думалось ей,—чисто рыба. Прыгаешь-прыгаешь, а толка никакого! Не вырвешься“.

Разъ десять толково и подробно побесѣдовавъ съ Миничемъ, княгиня съ ужасомъ увидѣла, что и этотъ искусникъ и законникъ тоже ничего не можетъ придумать.

— Такое это дѣло,—говорилъ Миничъ,—что тутъ, матушка, ваше сіятельство, самъ Соломонъ ничего не подѣлаетъ. Вѣдь, Соломонъ-то что сдѣлалъ? Вы знаете? Онъ хотѣлъ младенца маленькаго пополамъ разрубить. Чужая-то баба согласилась, а родная-то мать воспротивилась. Совсѣмъ не хитро. Намъ распутать надо, а распутать нельзя. У всякаго узла концы есть, а тутъ никакихъ кондовъ не видать. Тутъ, куда ни погляди, громадныя петли. Скажу я вамъ, ваше сіятельство: разсказывалъ мнѣ умный человѣкъ, что въ древнія времена былъ такой царь, звали его Алексѣемъ, а, можетъ быть, и не Алексѣемъ, а Александромъ, что-ли. Прослышалъ онъ, что за моремъ, за океаномъ есть узелъ страшнѣющій, въ сто верстъ величиной. И вотъ всѣ люди уже годовъ тысячу хотятъ его развязать, потому что полагается за это вознагражденіе, деньги большущія—такія большущія деньги, что на нихъ, къ примѣру, всю россійскую имперію можно купить. А былъ-то онъ жаденъ, этотъ Алексѣй-царь. Вотъ онъ и поѣхалъ за море, за океанъ попробовать: не распутаетъ-ли. Пріѣхалъ, принялся за узелъ и возжался съ нимъ,—шутка-ли, матушка!—тридцать три года, тридцать три мѣсяца и тридцать три дня. Пріѣхалъ-то онъ ничего еще, не старый, а покуда онъ надъ узломъ-то возился, сталъ старымъ. И вотъ, когда уже видитъ онъ, что вся его жисть прошла, со зла-ли, съ горя-ли, заревѣлъ онъ благимъ матомъ. И, откуда ни возьмись, къ нему старичекъ. Можетъ, и угодникъ, а можетъ, и колдунъ какой, не вѣдомо. Пришелъ этотъ старичекъ, да и говоритъ: „Ты, говоритъ, Алексѣй—аль-бо Александръ—чего время тратишь? Распутать узелъ нельзя. А за то, что ты потерялъ зря тридцать три года, тридцать три мѣсяца и тридцать три дня, то этого дѣла такъ не оставляй. Въ отместку учини надъ нимъ нѣчто неправильное, повидимости, глупое, а на дѣлѣ-то выйдетъ далеко не глупое. Пройдетъ про тебя слава на весь міръ. Возьми свою саблю, да и перерѣжь его пополамъ, перепили, что-ль“.—„Какъ такъ?“—спрашиваетъ Алексѣй. „Да такъ“. И вотъ, матушка, онъ взялъ свою саблю, которой рубить-то, почитай, что ужъ отвыкъ, однако, понатужился, махнулъ и самый этотъ узелъ, что тысячу лѣтъ разные люди все распутывали, перерубилъ пополамъ. И вотъ, матушка, слава объ этомъ и до насъ дошла. А было это нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, а то и вся тысяча.

— Да ты къ чему все это путаешь?—спросила княгиня, слушавшая разиня ротъ.

— А къ тому я путаю, что надо достать къ пріѣзду князя изъ Петербурга. И такъ какъ дѣло распутать нельзя, то ухватить, якобы перерубить.

— Какъ-же перерубить?

— А этого тотчасъ сказать вамъ не могу. Надо будетъ сотворить что-нибудь совсѣмъ рѣшительное... къ примѣру, выкрасть Маріанну Павловну изъ тюрьмы, въ тотъ-же день перевѣнчать ее съ Николаемъ Григорьевичемъ, а изъ-подъ вѣнца въ колымагу и къ князю прямо въ Петербургъ. А тамъ имъ обоимъ съ нимъ вмѣстѣ прямо въ ноги царицѣ: такъ и такъ, молъ, государыня-монархиня, заступи, помилосердствуй, спаси отъ московскихъ крючкотворовъ.

— Да, пожалуй,—отвѣтила княгиня, подумавъ,—ты не глупое придумалъ. Тутъ, помимо царицы, никто ничего не сдѣлаетъ. Ну, а все-таки скажи, не повидать-ли мнѣ и не посовѣтываться-ли съ Батищевымъ—онъ сановный.

— Повидайте, коли хочется. А ужъ если повидаете, то говорю вамъ, поступайте такъ-же точно, какъ было уже разъ съ княземъ: онъ за деньги на все пойдетъ. Скажите ему, что коли онъ распутаетъ дѣло со своими разными пріятелями, то вы опять ему поднесете, и опять сотню тысячъ. Что дѣлать! Коли тогда спасли отъ опекунства, такъ, вѣдь, теперь надо спасать самое опекаемую. Теперь можно дать и половину всего имущества, коли Батищевъ запроситъ.

И княгиня тотчасъ-же отправила дворецкаго къ чиновнику просить его къ себѣ по важному дѣлу.

Батищевъ зналъ-ли, въ чемъ дѣло, или сообразилъ что, но далъ себѣ срокъ. Онъ отвѣтилъ, что очень занятъ и можетъ быть только черезъ два дня, во вторникъ.

Пришлось княгинѣ волноваться и ждать.

Судейскій крючекъ былъ въ дѣлахъ аккуратенъ: назначивъ княгинѣ быть у нея во вторникъ въ два часа пополудни, Батищевъ безъ трехъ минутъ въ два—по часамъ, висѣвшимъ въ комнатѣ княгини—въѣзжалъ во дворъ.

Княгиня приняла его, смущаясь и робѣя. Ее смущала мысль, что послѣдняя надежда, какая была у нея, можетъ исчезнуть. Батищевъ положительно могъ помочь въ дѣлѣ, онъ былъ близокъ со всѣми московскими судьями и всякими комиссарами и президентами. Захочетъ онъ, и Мариночку тотчасъ-же отпустятъ домой. А затѣмъ, захочетъ онъ, то положительно можетъ ее спасти совсѣмъ.

Принятый княгиней въ большой гостиной, Батищевъ старался быть чрезвычайно любезнымъ, почтительнымъ, а, между тѣмъ, отъ него вѣяло только ехидствомъ. Онъ говорилъ, точно змѣя шипитъ, глядѣлъ, точно волкъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось княгинѣ.

Къ ея большому удивленію и радости, Батищевъ объяснилъ, что онъ въ качествѣ крупнаго московскаго чиновника уже давно знаетъ дѣло о колдовствѣ въ домѣ княгини въ малѣйшихъ подробностяхъ. И дѣйствительно, заговоривъ съ Елизаветой Петровной о

томъ, что случилось у нея въ домѣ, Батищевъ, оказалось, зналъ всѣхъ участниковъ по имени, зналъ, когда, что и какъ произошло, зналъ, что она хворала, что колдовство на нее подѣйствовало, и, наконецъ, онъ зналъ и то, о чемъ княгиня и не слыхала: онъ зналъ, что колдунью Козулю разыскали и засадили, и оказалось, что она считается самой опасной колдуньей. О ней есть свѣдѣнія въ оберъ-полиціймейстерской канцеляріи, что она—настоящая вѣдьма.

— Вы меня извините, княгиня,—сказалъ Батищевъ,—за нѣкоторое поясненіе, которое вамъ, какъ дамѣ, не слѣдовало-бы и говорить. Эту старую колдунью освидѣтельствовали и нашли у нея, какъ полагается вѣдьмѣ, маленькій хвостикъ.

— Что вы!—ахнула княгиня.

— Такъ точно, княгинюшка, она—настоящая вѣдьма. И, что съ ней теперь будутъ дѣлать, я, какъ человѣкъ судейскій, самъ ума не приложу. Прежде въ разныхъ чужестранныхъ королевствахъ такихъ сжигали... такъ-таки дѣлали костеръ и жгли. У насъ, какъ вамъ извѣстно, по монаршей волѣ, смертная казнь уничтожена, какая-бы она ни была. А сожиганіе есть та-же смертная казнь. Какъ-же вотъ теперь быть? Добросердечная монархиня не разрѣшитъ приказать сжечь Козулю, хотя-бы на Красной площади, а отправлять ее куда, въ Сибирь, что-ли, нельзя: она всегда можетъ взять метлу, да и вылетитъ въ трубу.

Княгиня не поняла и Батищевъ подробно разъяснилъ ей, какіе существуютъ обычаи и сноровки у вѣдьмъ.

— Какъ-же такъ?—замѣтила она,—почему-же это вѣдьма теперь смирно сидитъ, запертая въ тюрьмѣ? Она и теперь можетъ взять метлу, да и улетѣть не только изъ заключенія, а даже изъ Москвы.

— То-то нельзя, княгинюшка!—снова началъ врать Батищевъ.—Вы такъ судите легковѣсно. Она, какъ я знаю, заперта въ отдѣльномъ помѣщеніи при полицейской канцеляріи, въ подвалѣ. А въ этомъ самомъ подвалѣ трубы нѣтъ, да и потомъ ей надо достать метлу, а строжайше указано ей таковой не давать. А такъ-то, по-вашему, пожалуй, она давно была бы невѣдомо гдѣ. Только дай ей самую затрепанную метелку да случись хоть маленькая труба какая, она сейчасъ только подоломъ махнетъ и черезъ одну минуту будетъ въ Кіевѣ.

— Почему-же въ Кіевѣ?—удивилась княгиня.

— А тамъ, изволите видѣть, есть такая гора, гдѣ по ночамъ всегда вѣдьмы собираются.

— Это въ святомъ-то градѣ, гдѣ пещеры?—ахнула княгиня.

— Что дѣлать, и святой градъ, а гора есть, и давно есть. И ничего подѣлать нельзя.

— Срыли-бы ее.

— Кого?

— Да гору-то.

— Какъ можно, княгиня? Развѣ большую гору срыть можно? Что на это надо времени — сто лѣтъ!.. и какія нужны деньги!

— Да, вѣдь, хуже Андрей Григорьевичъ, коли это—такое мѣсто для сатанинскихъ сборищъ.

— Ну, ужъ это, матушка княгинюшка, не наше съ вами дѣло. Но вотъ позвольте, мы отсторонились отъ нашей бесѣды. Я по вашему дѣлу сейчасъ начну хлопотать и полагаю вѣрно, что къ пріѣзду князя Андрея Григорьевича опекаемая имъ Маріанна Павловна будетъ уже здѣсь въ своихъ комнатахъ.

— Что вы!—воскликнула княгиня.

— Вѣрно вамъ говорю-съ. Я свое дѣло сдѣлаю, а вамъ останется свое сдѣлать.

— Такъ, такъ, спасибо вамъ!

— Свое вамъ дѣло останется сдѣлать,—повторилъ Батищевъ.

— Да, да! Да какое?—спохватилась княгиня.

— А, стало быть, полагается всякому человѣку, который хлопочетъ, честно получить свое по заслугамъ. Вотъ я и думаю, что князь пожелаетъ тоже мои хлопоты равноцѣнно смѣрить.

Когда Батищевъ уѣхалъ отъ княгини, она, конечно, тотчасъ-же вызвала Минича и чуть не восторженно начала разсказывать весь свой разговоръ въ подробностяхъ.

— Давай Богъ! — повторялъ, какъ-бы припѣвая, Миничъ. — А не вѣрится мнѣ... Выжига онъ, змѣй, истинный змѣй.

XLVIII.

Пока княгиня разговаривала со стрекулистомъ, Батищевъ, быстро доѣхавшій до Кремля, былъ уже въ большомъ зданіи, въ маленькой комнатѣ президента палаты уголовныхъ дѣлъ, г. Пѣсенникова. Всѣ крупныя уголовныя преступленія, совершавшіяся въ Москвѣ, вѣдались имъ. И въ этомъ отношеніи онъ былъ самовластенъ и всевластенъ. Ему стоило, какъ выражался одинъ московскій обыватель, извѣстный своимъ умомъ, пальцемъ двинуть, чтобы человѣкъ исчезъ. Этотъ человѣкъ говорилъ про Пѣсенникова:

— Это, прости Господи, у насъ царь московскій. Есть вотъ царица-императрица всея Россіи, а она, матушка, не можетъ, да и не захочетъ то дѣлать, что онъ дѣлаетъ. Онъ у насъ царемъ въ Москвѣ: мизинчикомъ пошевелитъ, и десять человѣкъ вотъ были, а вотъ и нѣтъ. А, гдѣ они, никому невѣдомо. Сказано, смертною казнью не велѣно казнить, а онъ, голубчикъ, это дѣлаетъ. Прикажетъ дать двѣсти, триста и пятьсотъ плетей, ну, и готовъ человѣкъ.

Батищевъ, конечно, былъ давно знакомъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Пѣсенниковымъ, а въ послѣднее время по какому-то своему тонкому расчету, который онъ скрывалъ отъ всѣхъ, онъ вошелъ съ главнымъ заправилой всѣхъ уголовныхъ дѣлъ въ дружбу. Въ это время Пѣсенниковъ получилъ отъ Батищева два очень крупныхъ подарка и даже не понималъ, почему его новый пріятель Андрей Григорьевичъ такъ къ нему благоволитъ, какое ему дѣло до него, когда онъ самъ—чиновникъ. Одинъ разъ Батищевъ подарилъ Пѣсенникову трость съ золотымъ набалдашникомъ, привезенную изъ Парижа. Набалдашникъ открывался и въ немъ были удивительной работы часы. Во второй разъ Батищевъ подарилъ Пѣсенникову дорогую золотую табакерку съ тремя самоцвѣтными камнями. Эта табакерка стоила очень большихъ денегъ.

Пѣсенниковъ даже смутился: принять-ли такой подарокъ?

„Эдакое можетъ дать,—думалось ему,—только богачъ, которому грозитъ каторга, за то, чтобы, вмѣсто нея, остаться спокойно въ своемъ собственномъ домѣ. А Батищеву опять-таки нѣтъ никакой причины меня, уголовныхъ дѣлъ вершителя, замасливать и задаривать“.

(Продолженіе будетъ).

НА ОКРАИНѢ.

Очеркъ Е. Лазореваго.

„Вынимайте осторожнѣе книги, Ильта и Ханнесъ,— говорила Эдвигъ Янса своимъ молоденькимъ помощникамъ, мальчику и дѣвушкѣ.

Она стояла на невысокой лѣсенкѣ въ своемъ новомъ книжномъ магазинѣ и уставляла на полкахъ только что полученныя книги, а Ханнесъ и Ильта разбирали аккуратно сдѣланный ящикъ и подавали разныя изданія хозяйкѣ.

НА РѢЧКѢ. Съ картины академ. **Х. П. Платонова** гравир. для «Родины» **В. Цехомскій.**

Привычными руками опытнаго торговца Эдвигъ ставила на полки эти дѣвственные еще томики всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ. Новенькія еловыя доски слегка прогнулись отъ тяжести и запестрѣли разноцвѣтными корешками книгъ.

Съ гордостью, понятною каждому труженику, сумѣвшему пробиться и сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ, осматривала молодая хозяйка свой маленькій магазинъ. Все было въ немъ на мѣстѣ, всѣ необходимыя книги находились налицо; учебныя пособія, всевозможная бумага, тетради, перья, карандаши, перочинные ножики,—ничего не забыла пріобрѣсти опытная Эдвигъ Янса.

На простомъ сосновомъ прилавкѣ, покрытомъ свѣтлымъ лакомъ, помѣщалась небольшая витрина съ мелкими предметами. Немного далѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прилавокъ дѣлалъ изгибъ, стояла механическая вертящаяся колонка съ иллюстрированными открытками.

Черезъ открытую дверь въ сосѣднемъ помѣщеніи были видны сложенные тамъ ящики и кипы съ не разобраннымъ еще товаромъ, размѣстилось нѣсколько простыхъ стульевъ и столовъ мѣстной работы.

Эдвигъ Янса отлично понимала свое дѣло; недаромъ она прослужила цѣлыя пять лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ книжныхъ магазиновъ въ Гельсингфорсѣ. Послѣднее время она завѣдывала отправкою книгъ въ провинцію и хорошо изучила требованія своего родного городка, открыть книжный магазинъ въ которомъ она давно уже мечтала.

До сихъ поръ kirja kaupa (книжную лавку) содержалъ здѣсь старый Хюмойненъ, придерживавшійся старинныхъ требованій и не выписывавшій почти ни чего изъ интересныхъ новинокъ, надѣлавшихъ много шума во всемъ мірѣ: церковные молитвенники, библіи въ черномъ переплетѣ, устарѣвшее изданіе Калевалы, нѣсколько книжекъ по сельскому хозяйству да ходячихъ разсказовъ изъ шведской жизни, простая бумага, перья, карандаши, ножи, марки,— вотъ и весь товаръ въ лавочкѣ Хюмойнена.

Эдвигъ снисходительно взглянула на стараго торговца, когда, окончивъ переговоры съ нимъ о передачѣ ей лавки, она осматривала имѣвшійся у него товаръ.

Мѣсто для всего этого хлама, за малыми исключеніями, нашлось въ кладовой. Вмѣсто него, на полкахъ и на прилавкѣ водворились дешевыя изданія классиковъ всѣхъ странъ, но предпочтеніе Эдвигъ отдавала скандинавскимъ авторамъ: имена Ибсена, Бьернсона чередовались съ Норденшильдомъ, Зельмой Лагерлефъ, Ахо, Паккала и другими дѣятелями мысли суроваго Сѣвера.

— Это что —спросила она Ильту, указывая на небольшую пачку книгъ, отложенныхъ отдѣльно на прилавкѣ.

— Переводы съ русскаго... вотъ Чеховъ, Максимъ Горькій, Толстой...

Хозяйка съ легкой гримасой взяла жидкіе томики русскихъ писателей и поставила ихъ въ уголокъ на полкѣ, только Толстой и Горькій удостоились лучшей участи.

— Мопассанъ, Поль Бурже...— читала Ильта имена авторовъ нѣкоторыхъ книгъ, передаваемыхъ ею хозяйкѣ; послѣдняя уставляла ихъ подальше.

Англичане были почтены лучше, ихъ произведенія остались лежать на прилавкѣ или-же были поставлены на самомъ видномъ мѣстѣ на нижней полкѣ. Изъ нѣмецкихъ нѣкоторые тоже заслужили милость Эдвигъ: она положила ихъ на окно. Всю-же витрину заняли скандинавы и финскіе писатели.

Судя по этому размѣщенію книгъ, симпатіи молодой хозяйки были на сторонѣ послѣднихъ; о а, видимо, находила нужнымъ пропагандировать ихъ больше другихъ иностранныхъ, не говоря уже о русскихъ.

Мѣстная женская гимназія, или, какъ ее здѣсь называютъ, лицей, въ которомъ Эдвигъ получила образованіе, перенесъ ея симпатіи всецѣло на сторону Швеціи. Преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ на языкѣ этой страны, широкое изученіе ея исторіи, нерѣдко въ превратномъ видѣ рисующее ея сосѣдку, Россію, преднамѣренное указываніе на некультурность, на отсталость послѣдней отъ общаго уровня другихъ европейскихъ державъ, завѣдомыя насмѣшки преподавателей и пасторовъ надъ славянствомъ вообще, а надъ русскими въ особенности, заставляли учащуюся молодежь смотрѣть на Россію, какъ на поработительницу своей родины, какъ на своего исконнаго врага. Въ лучшемъ случаѣ изъ этихъ лицеевъ выходитъ молодежь, безразлично относящаяся къ той

или другой державѣ, чаще-же всего у молодыхъ людей вкореняются нелюбовь ко всему русскому и самыя искреннія симпатіи къ шведамъ.

Однимъ изъ безчисленныхъ изданій подобныхъ прозелитокъ была и Эдвигъ.

Отецъ Эдвигъ, Матти Янса, отставной боцманъ русскаго флота, прекрасно говорилъ на этомъ языкѣ и былъ убѣжденный сторонникъ русскаго вліянія, но покойная жена его, Ингельгерда, мать Эдвигъ, чистокровная шведка, ненавидѣла русскихъ всѣми силами души и первыя слова, которыя выучила ея малютка, были: «жестокая Россія и добрая Швеція».

Добродушный Матти смѣялся надъ стараніями жены сдѣлать изъ дочки «убѣжденнаго врага государства», съ которымъ нераздѣльно слита ихъ родина, но смѣхъ его исчезъ, когда онъ замѣтилъ, что дѣвочка, даже послѣ смерти матери, отказывается говорить съ отцомъ по-русски.

— Ну, это мы еще посмотримъ, — сказалъ онъ увѣренно.

Но переломить упрямство четырнадцатилѣтней Эдвигъ ему не удалось. Хорошо посѣянныя Ингельгердою въ сердцѣ дочери сѣмена взошли; шведскій лицей помогъ имъ развиться, окрѣпнуть, и дочка Матти Янса стала убѣжденной руссофобкою.

Старый боцманъ махнулъ на нее рукою—не подъ силу было ему бороться съ нею.

«Ну, ее, какъ хочетъ, такъ и поступаетъ!»—рѣшилъ онъ.

И онъ ничего не возразилъ Эдвигъ, когда она перебралась въ Гельсингфорсъ и поступила продавщицею въ книжный магазинъ.

Самъ Матти давно уже завѣдывалъ торговлею въ винной лавкѣ въ родномъ городкѣ, по финскому обычаю отдавать эти мѣста отставнымъ военнымъ.

II.

— Есть у васъ почтовая бумага?— услышала Эдвигъ мужской голосъ.

Она недовольно обернулась и взглянула на посѣтителя, спрашивавшаго по-русски.

— Я не понимаю, — коротко отвѣтила хозяйка.

Чуть замѣтная улыбка появилась на губахъ вошедшаго. Каріе глаза брюнета блеснули; онъ сейчасъ-же повторилъ свой вопросъ по-нѣмецки.

Продолжая недовѣрчиво смотрѣть на покупателя, Эдвигъ спустилась съ льсенки и стала показывать ему различные сорта бумаги.

Молодой человѣкъ выбралъ пачку, заплатилъ деньги, продолжая говорить по-нѣмецки и, вѣжливо простившись, ушелъ изъ лавки.

«Неуже и онъ—русскій? онъ такъ хорошо говоритъ по-нѣмецки! Нѣтъ онъ — нѣмецъ!» — рѣшила Эдвигъ (ей почему-то хотѣлось, чтобы послѣднее предположеніе оказалось справедливымъ).

Товаръ скоро былъ разобранъ; книги поставлены по мѣстамъ.

Ханесъ вымелъ соръ, привѣсилъ надъ входной дверью колокольчикъ на пружинѣ, и магазинъ былъ готовъ къ пріему покупателей.

Майское солнце заливало окна съ разложенными на нихъ книгами, его лучи мягко проникали въ открытую дверь, въ промежуткѣ которой стояла сама молодая хозяйка. Довольная только что оконченною работою, она смотрѣла вдоль далеко тянувшейся улицы, обсаженной молодыми березками. Черные глаза ея были задумчивы, бѣлокурыя волосы золотились отъ падавшихъ на нихъ солнечныхъ лучей. Вся стройная, небольшая фигура дѣвушки, одѣтая въ темно-синее платье, прикрытое спереди вышитымъ передникомъ изъ небѣленаго холста, дышала свѣжестью, энергіей и увѣренностью въ себя.

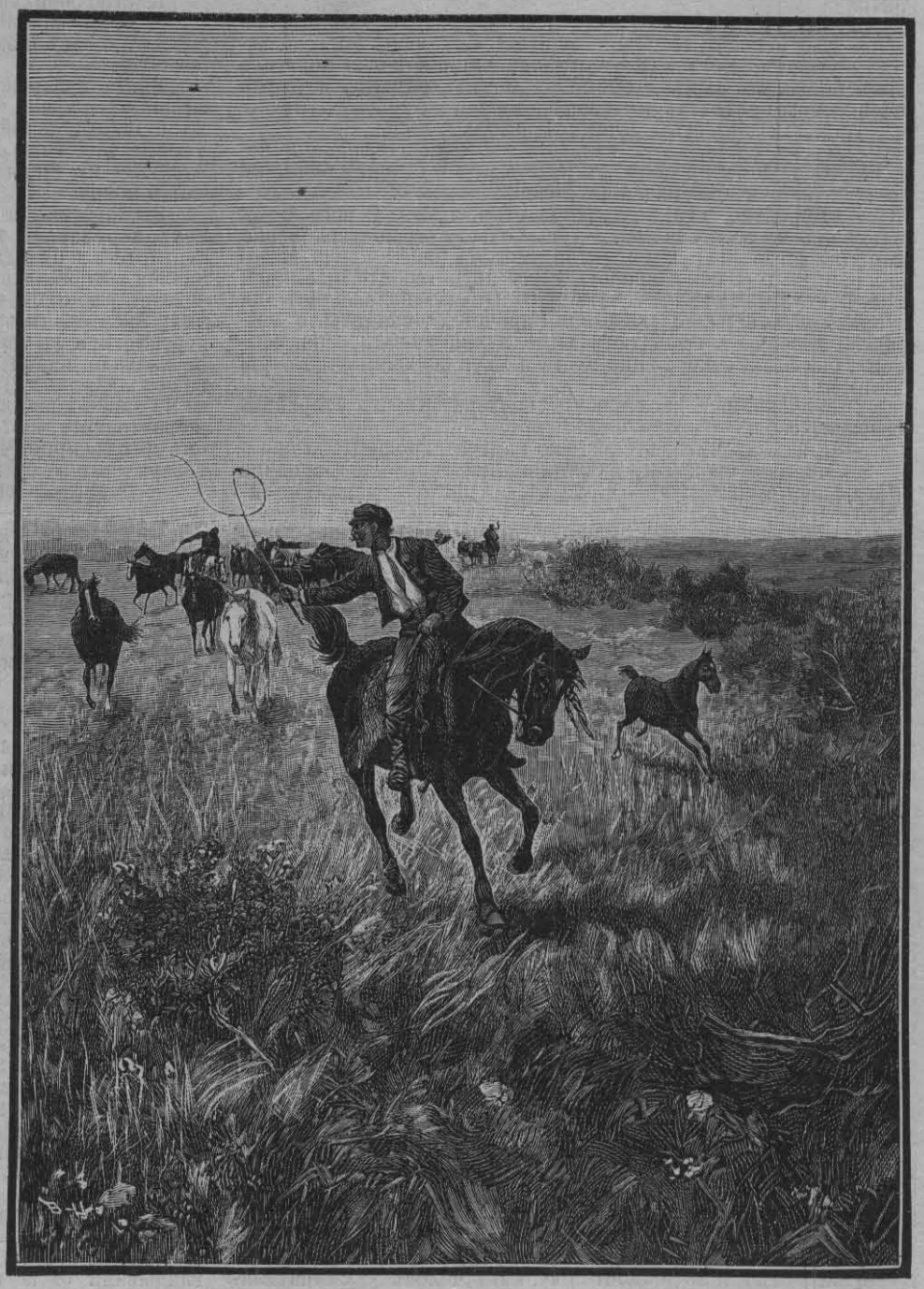
Вдали на пустынной въ это время дня улицѣ показался пѣшеходъ. Зоркіе глаза Эдвигъ сразу узнали въ немъ младшаго пастора мѣстной кирки Хельстрема. Скоро онъ подошелъ къ книжной лавкѣ.

— Здравствуйте, фрэкенъ Янса,—низкимъ голосомъ привѣтливо проговорилъ пасторъ, слегка приподнимая шляпу и протягивая руку Эдвигъ.—Совсѣмъ-ли вы устроились?

— Благодарю васъ, г. пасторъ, я только что незадолго до вашего прихода окончила всю работу; пожалуйста, войдите...

И молодая хозяйка, пропустивъ Хельстрема впередъ, вошла вслѣдъ за нимъ въ магазинъ.

Довольнымъ взглядомъ окинулъ пасторъ переполненныя книгами полки и прилавокъ.



ДОЛОЙ СЪ ПАСТБИЩА. Съ картины проф. **А. Вирушъ Ковальскаго** гравир. для «Родины» **В. Цехомскій.**

— О, я вижу, что вы серьезно взялись за дѣло. Какъ много сокровищъ человѣческой мысли собрано вами здѣсь! Надѣюсь, выборъ вашъ сдѣланъ удачно?

Краска гордости залила лицо Эдвигъ.

— Я хорошо изучила въ эти пять лѣтъ потребности и нужды финскаго читателя, г. пасторъ; все, что только можетъ быть ему полезно, что пробуждаетъ его самосознаніе, даетъ правильный взглядъ на жизнь, на отношенія къ другимъ народностямъ, все у меня найдется.

— Я вполнѣ увѣренъ въ этомъ, фрэкенъ Янса, — благосклонно замѣтилъ Хельстремъ, — но...

— Вы хотите сказать объ оппозиціонныхъ изданіяхъ? Для

лицъ, интересующихся ими для цѣли самозащиты, я буду ихъ получать, но въ народъ онѣ не проникнутъ.

Пасторъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на дѣвушку. Онъ видѣлъ въ ней одну изъ убѣжденныхъ патріотокъ молодой партіи.

— Я вполнѣ цѣню вашу проницательность, фрэкенъ Янса, вамъ ничего не нужно говорить, вы понимаете сами все хорошо! — довольно замѣтилъ Хельстремъ, потирая свои холеныя бѣлыя руки.

Эдвигъ еще больше покраснѣла отъ его похвалы. Ея гордость была удовлетворена.

— А вашъ отецъ былъ уже здѣсь? видѣлъ, какъ вы устроились?

По лицу дѣвушки промелькнула презрительная усмѣшка.

— Ему некогда, господинъ пасторъ, онъ очень занятъ...

— Занятъ? Вотъ странно, развѣ винная лавка торгуетъ такъ бойко, что вашъ старикъ не можетъ удѣлить четверть часа, чтобы навѣстить дочь, порадоваться ея новому дѣлу?

Крѣпко сжавъ губы, Эдвигъ недовольно молчала.

Пасторъ замѣтилъ ея недовольство и съ совершенно невиннымъ видомъ продолжалъ разсуждать о старикѣ-боцманѣ, не посѣтившемъ до сихъ поръ дочери:

— Вѣроятно, его помощница отпросилась у него и въ лавкѣ некому остаться или...—тутъ Хельстремъ преувеличенно комично развелъ руками,—или, можетъ быть, среди жителей нашего городка развилось такое пьянство, что въ винной лавкѣ не успѣваютъ отпускать покупателямъ полныя бутылки и принимать обратно пустыя... Впрочемъ, едва-ли это возможно. Я сейчасъ проходилъ мимо лавки вашего отца, фрэкенъ, она была совершенно пуста и Янса спокойно занимался чтеніемъ.

Взволнованная насмѣшками пастора Эдвигъ старалась сдержать себя.

— А-а! онъ читалъ спокойно книгу! — прошептала она.

— Именно, спокойно, никто не мѣшалъ чтенію господина Янса, развѣ только мухи... Ха-ха-ха,—и пасторъ сдержанно засмѣялся.

Строго размѣренный смѣхъ его звучалъ фальшиво.

Дѣвушка невольно вздрогнула, смѣхъ пастора показался ей укоромъ за отца, давно уже находившагося на плохомъ счету у Хельстрема и другихъ приверженцевъ шведомапской, или «молодой», партіи, какъ они называли себя.

— Вы не замѣтили, господинъ пасторъ, какую книгу читалъ мой отецъ? — пытливо спросила Эдвигъ.

Хельстремъ пожалъ плечами.

— Мнѣ это было трудно опредѣлить, я не заходилъ въ лавку, а видѣлъ черезъ дверь; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я думаю, что это не была библія или вообще финская книга. Зрѣніе у меня прекрасное, мнѣ показалось, что буквы были не латинскаго алфавита...

Э — Я такъ и знала, онъ, навѣрно, читалъ русскую книгу. ито его помощница ему приноситъ, она сама — русская, хотя родилась здѣсь.

— Каждый выбираетъ чтеніе по своему вкусу! Что-же дѣлать, если Матти Янса русскія книги нравятся больше нашихъ родныхъ писателей и великихъ авторовъ родственной и дружественной намъ Швеціи!

Вкрадчивая, мягко льющаяся рѣчь Хельстрема заставила страдать и мучаться молодую хозяйку магазина больше, чѣмъ прямо выраженное порицаніе или укоръ.

— Я всѣми силами, господинъ пасторъ, стараюсь отклонить отъ этого чтенія отца; когда я жила съ нимъ вмѣстѣ, онъ никогда не бралъ даже въ руки русской книги, ну, а въ лавкѣ я не могла наблюдать за нимъ, тамъ онъ всецѣло находится подъ вліяніемъ этой женщины.

— Слабый, жалкій человѣкъ! — заключилъ ея слова собесѣдникъ.—Помните, фрэкенъ, хотя онъ и вашъ отецъ, но не довѣряйтесь ему. Въ особенности—ни слова ему о нашей партіи, ея надеждахъ, ея цѣляхъ.

— Во мнѣ вы можете быть совершенно увѣренными, пасторъ Хельстремъ,—гордо возразила Эдвигъ,—между моимъ отцомъ и мною вырыта глубокая пропасть. Я могу любить его, какъ отца, и не довѣрять ему, какъ человѣку, симпатизирующему русскимъ, сжившемуся съ ихъ интересами, съ ихъ стремленіями, съ ихъ властолюбивыми мечтами о порабощеніи нашей страны.

Вмѣсто отвѣта, пасторъ крѣпко пожалъ руку дѣвушки и, слегка приподнявъ на головѣ свою легкую фетровую шляпу, вышелъ изъ магазина.

Эдвигъ проводила его до дверей и долго слѣдила глазами за его медленно удалявшейся прямою фигурою. Солнце попрежнему ярко освѣщало маленькій городокъ; несмотря на май, было жарко, даже слабый вѣтерокъ съ моря не приносилъ прохлады.

Долго стояла Эдвигъ у дверей магазина, ея сурово сжатыя брови, глубокая складка на лбу и угрюмо смотрѣвшіе въ одну точку глаза ясно говорили о тяжелыхъ думахъ, волновавшихъ молодую хозяйку.

Покупателей до сихъ поръ никого еще не было.

«Теперь жарко, всѣ заняты своимъ дѣломъ,—думалось Эдвигъ,—а вечеромъ ради одного любопытства явятся. Вѣроятно, и отецъ придетъ».

Въ эту минуту ей невольно вспомнился первый посѣтитель ея магазина, принятый ею за нѣмца.

«Русскій онъ или нѣмецъ?—спрашивала сама себя Эдвигъ.

— Фрэкенъ Янса,—услышала она сзади себя голосъ Ильты, осторожно спрашивающій хозяйку,—мы съ Ханесомъ все окончили... можемъ идти обѣдать?

Точно очнувшись, Эдвигъ вспомнила, что ея молодые помощники еще ничего до сихъ поръ не ѣли съ самаго утра.

Быстро обернувшись къ приказчицѣ, она сказала:

— Бѣдняжки! Вы сильно, должно быть, проголодались, я совсѣмъ о васъ и забыла. Идите оба обѣдать, я за васъ здѣсь останусь.

Ильта и Ханесъ, несмотря на мучившій ихъ голодъ, не спѣша собрались, вымыли руки и, вѣжливо поклонившись хозяйкѣ, отправились домой.

«Да и я сама ничего еще съ утра не ѣла,—вспомнила Эдвигъ,—ну, ничего, потерплю. Когда они возвратятся, тогда ужъ я пойду».

Въ магазинѣ появились сразу двое покупателей. Одинъ изъ нихъ, коренастый типичный матросъ, пришелъ купить пачку конвертовъ и бумаги, другой-же, старикъ-сторожъ изъ ратуши, явился поторговать библію...

Онъ уже нѣсколько времени приходилъ къ предшественнику Янса съ цѣлью пріобрѣсти новую библію въ хорошемъ переплетѣ и въ футлярѣ, но на покупку ея у него постоянно не хватало денегъ, сегодня-же необходимая сумма по рякивала въ карманѣ Тойво и онъ спѣшилъ поскорѣе вымѣнять ее на давно желанную книгу, опасаясь, чтобы вечеромъ опять не растратить часть изъ своего капитала въ равинтолѣ, гдѣ онъ имѣлъ привычку проводить ежедневно часа два-три съ товарищами за бутылкой пива.

— Дорого-же вы хотите за книгу, фрэкенъ Янса,—говорилъ онъ хозяйкѣ.—Вашъ предшественникъ просилъ дешевле.

— Дешевле? Однако, вы до сихъ поръ у него не купили, а пришли за нею ко мнѣ.

— Такой случай вышелъ, я только теперь при деньгахъ, можетъ быть, завтра опять буду сидѣть безъ нихъ.

Долго торговался Тойво и ушелъ, наконецъ, довольный выклянченной уступкою, которую сдѣлала для него Эдвигъ ради открытія магазина.

III.

Маленькій городокъ мирно раскинулся по берегамъ небольшой, но глубокой бухты. Высокія гранитныя скалы, точно стража, защищали его отъ сѣверныхъ вѣтровъ, съ южной-же стороны и съ запада море смѣло врывалось причудливыми изгибами въ отлогій берегъ.

Глубина бухты позволяла довольно большимъ пароходамъ, не говоря уже о мелкосидящихъ парусныхъ судахъ, грузиться у самой городской пристани. Бойкій паровозъ нѣсколько разъ въ день притаскивалъ къ берегу рядъ грузовыхъ платформъ, длинной извилистой змѣею тянувшихся за нимъ отъ желѣзнодорожнаго пути по рельсовой вѣткѣ. Строевой лѣсъ въ различной обработкѣ переполнялъ ихъ: тутъ были и громадныя толстыя бревна—точно сѣрые чудовищные удавы протянулись они съ одной платформы на другую,—и тонкія, похожія на бумажный листъ, перегнувшіяся доски, блестѣвшія на солнцѣ своею дѣвственною бѣлизною и дышавшія еще чуднымъ ароматомъ сосны. Высоко сложенные надъ платформами, двигались, сдерживаемые заткнутыми шестами, штабели еловыхъ брусьевъ, тутъ-же грудой лежала сосновая клепка и слабо потрескивала сухая дрань, наваленная вплотную на платформы, на стыкахъ рельсовъ.

Повсюду лѣсъ, использованный въ различныхъ видахъ и формахъ.

По берегу около пристани были расположены цѣлые склады лѣсного матеріала. Въ бухтѣ постоянно ютилось нѣсколько парусныхъ шхунъ довольно большихъ размѣровъ; нерѣдко заглядывали сюда и грузовые пароходы. Пассажирскіе являлись только по извѣстнымъ днямъ, стояли положенное число часовъ у пристани, выпускали, принимали пассажировъ и опять шли въ море, направляясь къ слѣдующему по ихъ расписанію порту.

Во время навигаціи гавань была оживлена, отовсюду сновали тяжелыя лодки, управляемыя угрюмымъ финномъ, стоящимъ на кормѣ и ловко приводящимъ ихъ въ движеніе, загребая однимъ весломъ.

Толпа мало разговорчивыхъ рабочихъ съ утренней зари до заката солнца не уставала нагружать суда лѣсомъ. Въ ихъ методической, неторопливой работѣ сказывался природный малообщительный, замкнутый характеръ финновъ. Они сознательно исполняли принятое на себя обязательство работать въ теченіе опредѣленныхъ часовъ. Но каждая минута, которую они отдавали для чужого дѣла сверхъ этого срока, счита-

лась чѣмъ-то особенно для нихъ драгоцѣннымъ; въ большинствѣ-же случаевъ трудно заставить финна сдѣлать это.

Ежедневно, подъ вечеръ, когда всѣ торговыя заведенія и магазины въ городкѣ закрывались, сюда, на берегъ, являлись для прогулки горожане.

Небольшой, но чисто, какъ вездѣ въ Финляндіи, содержимый бульварчикъ - эспланада переполнялся молоденькими фрэкенъ, ихъ кавалерами, приказчиками мѣстныхъ конторъ и лавокъ. Бывали здѣсь и отставные военные расформированныхъ финскихъ батальоновъ и полка.

Сѣверная толпа рѣзко разнится отъ южной. Въ то время какъ послѣдняя живетъ на улицѣ, рвется поскорѣе попасть сюда, оживленіе и сутолока не прекращаются среди нея, веселье, шутки, громкій смѣхъ, иногда даже и пѣніе не умолкаютъ, жизнь кипитъ ключемъ,—сѣверяне гуляютъ степенно, стараются говорить тихо, а если и слышится смѣхъ, то какой-то затаенный, боязливый; шутки рѣдки, а о пѣніи и говорить не стоитъ. Развѣ затянетъ какая-нибудь изъ дѣвушекъ рѣзковатымъ голосомъ:

„Синуста мине паліо*)“...

Но на пѣвицу сейчасъ-же уставятся другіе гуляющіе и сконфуженная дѣвушка неловко замолчитъ, оборвавъ пѣсню.

Толпа на югѣ наслаждается фруктами, пьетъ лимонадъ, холодную воду со льдомъ, не откажется и отъ вина,—здѣсь-же о сладостяхъ и не думаютъ; бутылка пива, иногда содовой воды, вотъ и все угощеніе.

Разговоры ведутся тягучіе, съ узкими взглядами, трактующіе только мѣстные или семейные интересы. Подъема духа очень мало, вѣрнѣе совсѣмъ нѣтъ.

Сама мѣстная природа, величественная, но мрачная, молчаливая, погруженная въ таинственную думу, угрюмыя скалы, тихія озера, густыя лѣсныя чащи,—все гармонируетъ съ мѣстными обитателями, все отражается въ замкнутомъ характерѣ финна.

Шведы, хотя и здѣшніе уроженцы, но гораздо подвижнѣе, оживленнѣе финновъ. Безъ нихъ жизнь въ городкѣ сдѣлалась бы еще тоскливѣе, еще замкнутѣе.

Раза четыре въ недѣлю въ саду мѣстнаго водолечебнаго заведенія на верандѣ играетъ небольшой оркестръ, составившійся изъ отставныхъ музыкантовъ тѣхъ-же расформированныхъ финскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ и драгунскаго полка.

Нельзя сказать, чтобы они играли довольно стройно, но невзыскательная публика городка и этимъ довольна. А когда музыканты вздумаютъ сыграть знакомые каждому финляндцу «Yard land» или «Бьернаборгскій маршъ», даже сдержанные обыватели городка невольно оживляются и усиленно аплодируютъ музыкантамъ.

Благодаря водолечебницѣ и наѣзжимъ больнымъ, а отчасти и порту, лѣтомъ жизнь въ городкѣ еще сносна, въ особенности, если не задуютъ западные вѣтры, заволакивающіе недѣлями блѣдно-голубое небо сѣрыми тучами, которыя заливаютъ городокъ удручающими дождями.

Въ такіе дни городокъ дѣлается безлюднымъ. Больные пріѣзжіе прячутся по своимъ жилищамъ. На улицахъ только видны фигуры плотно завернувшихся въ резиновые плащи мѣстныхъ обывателей, не спѣша идущихъ по своимъ дѣламъ, да въ гавани, несмотря на бурную погоду, попрежнему продолжается непрерывная нагрузка. Не обращающіе никакого вниманія на дождь шкиперы, надѣвъ пропитанныя ворванью, желтыя пальто и посасывая неизбѣжный «пипъ», зорко наблюдаютъ за нагрузчиками, считая каждое бревно, каждую внесенную имъ на бортъ судна доску.

Пролетитъ вѣтеръ, минуетъ дождливое время, просохнутъ усыпанныя крупнымъ гравіемъ улицы—и городокъ снова немного оживится.

Недалеко отъ магазина Эдвигъ Янса находится ратуша, довольно старое и уже ветхое зданіе. Съ лѣсенки, ведущей въ помѣщеніе книжной торговли, видны главный входъ въ ратушу, старинные, помѣщенные въ особой башенкѣ надъ фронтономъ часы, звонко отбивающіе каждый часъ, и стоящій почти рядомъ частный домъ, въ которомъ почта и телеграфъ. Немного дальше почты улицы поднимаются въ гору и теряются въ небольшомъ перелѣскѣ, около котораго расположены женская и мужская гимназіи, ремесленное училище и начальная школа. За перелѣскомъ идутъ нѣсколько мелкихъ заводовъ, мастерскихъ и лѣсопилокъ. По другую сторону ратуши, тоже окруженная елями и густымъ ольшанникомъ, стоитъ на пригоркѣ каменная кирка, смѣло выглядывающая изъ-за верхушекъ елей своею высокою кирпичною колокольнею съ готическою кровлею, покрытою оцинкованнымъ желѣзомъ. За нею чуть виднѣются ряды городскихъ домиковъ, переходящихъ затѣмъ въ пригородную деревню.

Ближе къ берегу вытянулось приземистое зданіе таможни, развалины какой-то древней башни, и далекій просторъ сѣро-зеленоватаго моря, нерѣдко пытающагося слизать своими сѣдыми волнами маленькій городокъ, сорвать его со всѣми его обитателями съ гранитныхъ высокихъ скалъ и погребсти въ своихъ пучинахъ.

Въ противоположную сторону отъ моря, на возвышенной луговинѣ, бѣлѣютъ палатки одной изъ ротъ финляндскаго полка, ушедшаго на полтора мѣсяца въ лагерный сборъ. Тамъ-же, за этими бѣлыми палатками, теряется вдали, точно двѣ ровно натянутыя нитки, колея желѣзной дороги.

Далеко-далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ съ обычной во всѣхъ финляндскихъ городахъ «подзорной башни», высоко среди скалъ виднѣется зеленый оазисъ; это—кладбище, отнесенное подальше отъ городка. На берегу-же, недалеко отъ пристани, пріютился базаръ, открывающійся ежедневно съ пяти часовъ утра и торгующій до двѣнадцати. Сюда рыбаки навозятъ не мало рыбы, сосѣднія фермы и деревни доставляютъ масло, свинину, картофель, яйца, зелень и прочіе сельскіе продукты. Тутъ-же продается свѣжеиспеченный бѣлый и черный хлѣбъ.

Городокъ проникнуть своей обособленной жизнью, причемъ главнымъ доходомъ для него служитъ лѣсная торговля; импульсъ его бьется только ею, благоденствіе его обывателей зиждется единственно на ней; она-же кормитъ тысячи грузчиковъ, подгородныхъ крестьянъ. Городокъ славится ловкими, отлично знающими море, моряками и своимъ чистымъ воздухомъ, ради котораго сюда пріѣзжаютъ лѣтомъ изъ различныхъ городовъ и мѣстечекъ страны.

Зимою портъ замерзаетъ, приходъ судовъ прекращается и самъ городокъ мирно засыпаетъ до новой весны, до свободной волны въ гавани. Зимою сношенія съ метрополіей, съ Гельсингфорсомъ, не прерываются,—желѣзнодорожный путь связываетъ городокъ съ послѣднимъ удобнѣе моря. Многіе изъ горожанъ съ окончаніемъ навигаціи частенько навѣщаютъ Гельсингфорсъ.

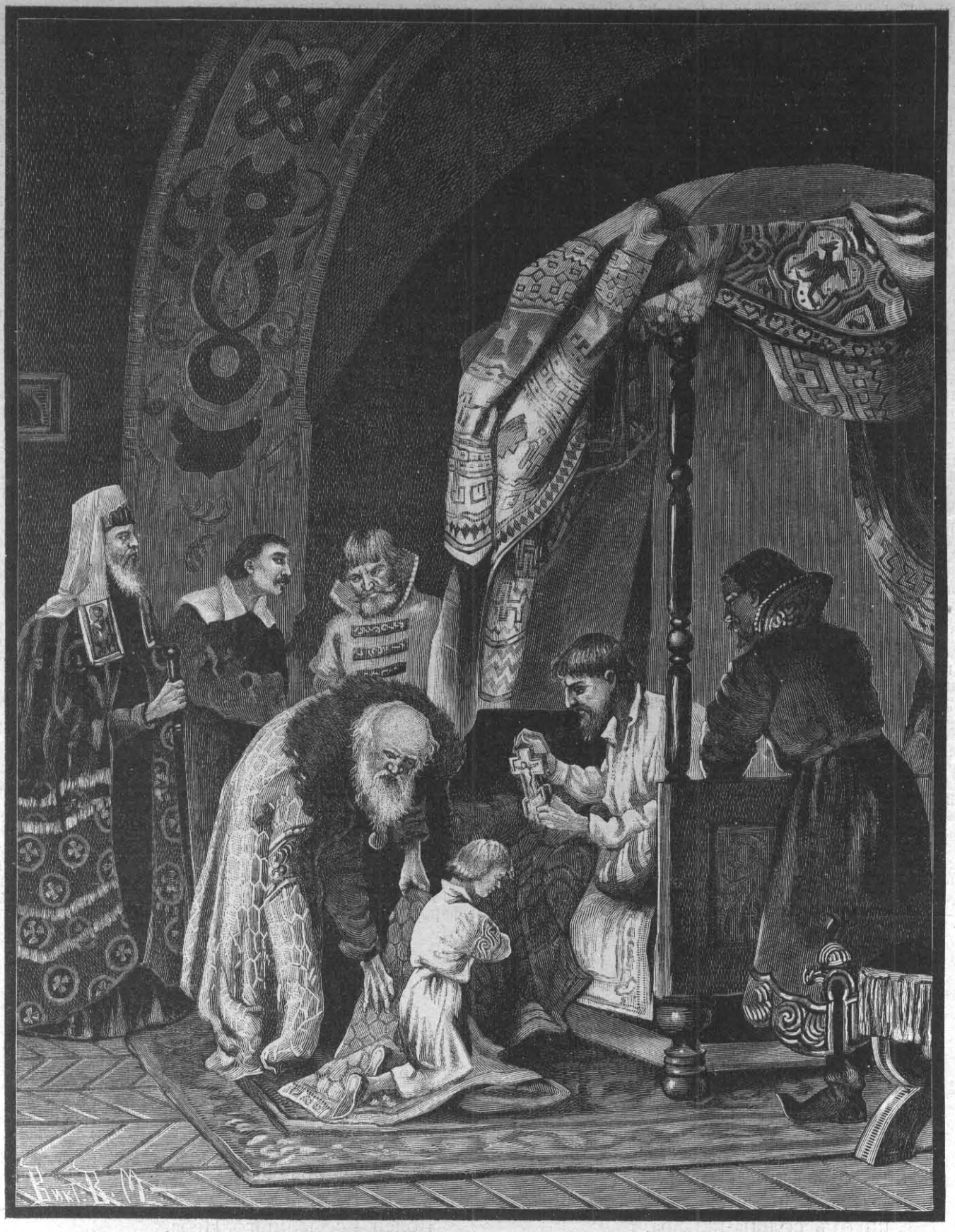
(Продолженіе будетъ.)

*) Я очень люблю тебя.

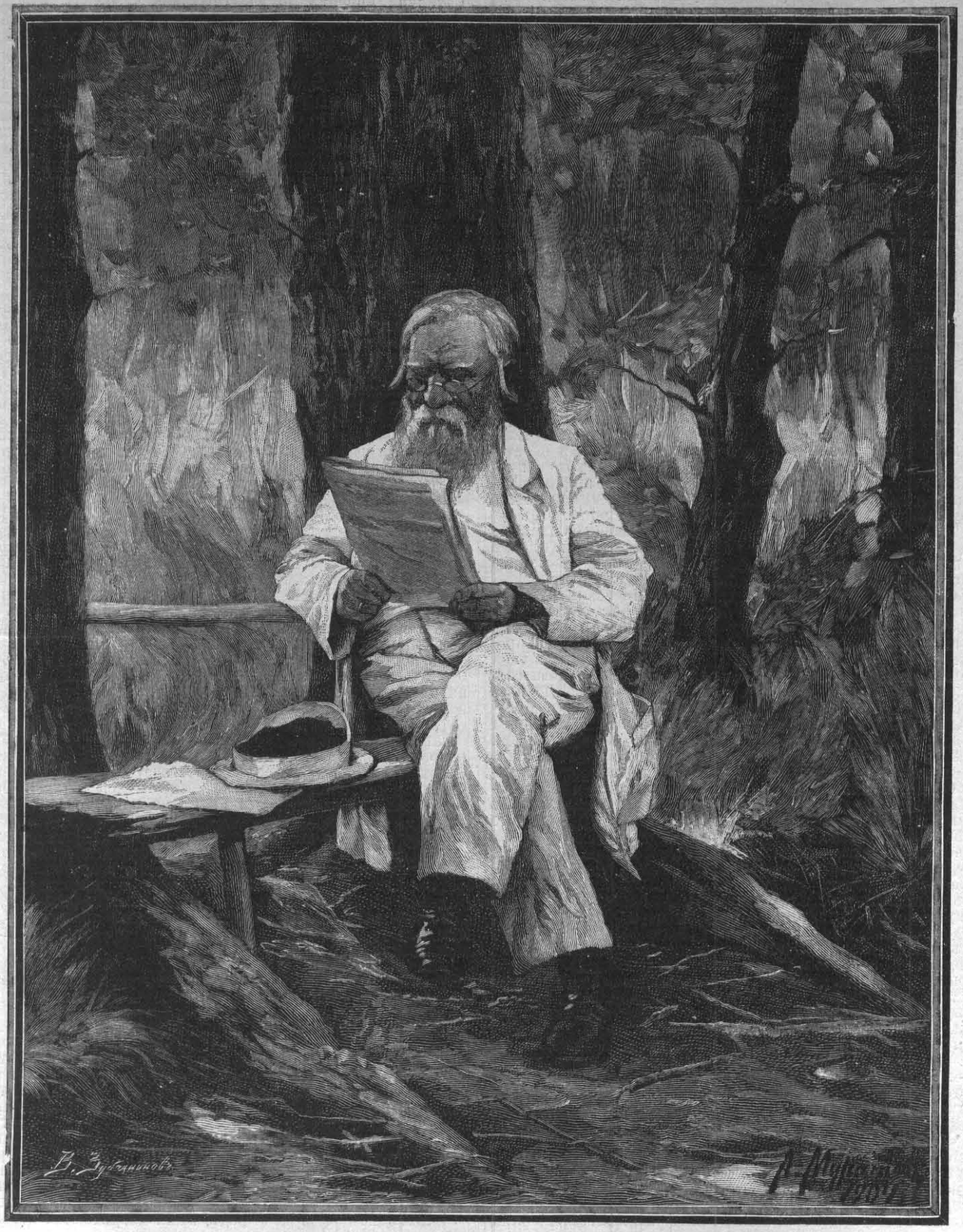
Лѣтомъ въ столицѣ.

Въ шумной и пыльной столицѣ весной
Душу ничто не ласкаетъ.
Яснаго неба полуденный зной
Камни одни раскаляетъ.
Лѣтомъ-же жизнь здѣсь и вовсе мертва,
Душно отъ пыли и жара.
Точно въ пустынной степи дерева
Жалки отъ солнца-пожара.
Улицей гдѣ-ли пойдешь, навѣрнякъ,
Дымомъ асфальта потянетъ,
Видишь-ли трудится въ потѣ бѣднякъ,
Жалко такъ бѣднаго станетъ!
Кровью и потомъ, желѣзнымъ трудомъ,
Страшной цѣною страданья
Вновь воздвигаются здѣсь съ каждымъ днемъ
Многоэтажныя зданья!
Трудно представить, какъ много всегда,
Волей Всевышняго Неба,
Бѣдные люди кладутъ здѣсь труда
Ради насущнаго хлѣба!..

В. Щуренковъ.



ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ III БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ СВОЕГО СЫНА ІОАННА.
Оригин. рис. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**



ПОЛИТИКЪ. Съ картины **А. Д. Муратова** гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ.**

Островъ Сахалинъ.

Очеркъ Н. Мягкова (съ 6-ю рисунками на стр. 793).

ОСТРОВЪ Сахалинъ, о которомъ теперь такъ много говорятъ и въ печати, и въ обществѣ, которому угрожаетъ опасность отъ ведущихъ съ нами борьбу японцевъ, нельзя назвать жемчужиной Дальняго Востока только изъ-за его довольно суровыхъ климатическихъ условій да еще развѣ благодаря населяющему въ настоящее время островъ преступному элементу каторжниковъ; по природнымъ-же богатствамъ острова, скрывающимся въ нѣдрахъ его горъ, въ глубинѣ омывающаго Сахалинъ моря, наконецъ, просто растущимъ на поверхности земли въ видѣ многовѣковыхъ дѣвственныхъ и замѣчательныхъ по своей роскоши лѣсовъ, ему вполнѣ справедливо дать это названіе драгоцѣннаго.

Если-же еще принять во вниманіе, что всѣ неисчислимыя богатства острова до сихъ поръ почти не тронуты, до сихъ поръ никѣмъ не эксплоатировались, до сихъ поръ остаются почти въ дѣвственной неприкосновенности, а нѣкоторыя, можетъ быть, до сихъ поръ остаются и неизвѣстными, такъ какъ присутствіе ихъ въ нѣдрахъ горъ еще не открыто, то и еще болѣе понятной будетъ драгоцѣнность Сахалина.

Этотъ громадный островъ удлиненной овальной формы, вытянутый съ сѣвера на югъ, лежитъ, какъ извѣстно, очень близко отъ материка Азіи и является самой восточной окраиной нашихъ владѣній. Въ длину онъ имѣетъ по прямой линіи около 850 верстъ, т. е., разстояніе большее почти на цѣлыхъ 250 верстъ, чѣмъ разстояніе отъ Москвы до Петербурга. Самая большая ширина острова достигаетъ 183 верстъ, въ самой узкой своей части островъ имѣетъ въ ширину 24 версты. Если провести линію на глобусѣ, то окажется, что южная оконечность острова расположена на той-же широтѣ, на которой находится Симферополь, а сѣверная подходитъ къ широтѣ Москвы. По своему происхожденію островъ Сахалинъ является прямымъ дополненіемъ Японскихъ острововъ, но на немъ замѣчается интересное явленіе, рѣзко отличающее Сахалинъ отъ его японскихъ братьевъ: въ то время какъ на всѣхъ японскихъ островахъ разсѣяны во множествѣ и постоянно дѣйствуютъ вулканы, на Сахалинѣ ихъ нѣтъ ни одного.

Сахалинъ омывается съ запада Сѣверо-Японскимъ моремъ, которое и отдѣляетъ островъ отъ материка. Близъ устья Амура островъ такъ близко подходитъ къ материку, что ихъ отдѣляетъ только проливъ всего въ 7 верстъ ширины. Этотъ проливъ носитъ названіе въ общемъ Татарскаго, а въ указанной узкой части—Невельскаго, по имени русскаго изслѣдователя, нашедшаго въ немъ фарватеръ для прохода судовъ. До него извѣстные мореплаватели Крузенштернъ, Лаперузъ и Браутонъ не нашли прохода Татарскимъ проливомъ, являющимся продолженіемъ Сѣверо-Японскаго моря, въ Охотское море и должны были вернуться съ судами обратно, заключивъ, что Сахалинъ—полуостровъ и соединяется съ материкомъ песчаной балкой. Очень возможно, что въ древнія времена, а, можетъ быть, даже и не такъ давно, Сахалинъ и на самомъ дѣлѣ былъ полуостровомъ, потому что глубина пролива Невельскаго очень незначительна и фарватеромъ могутъ проходить только суда съ осадкой не болѣе 23 футовъ. Японское море, вслѣдствіе того, что въ него заходитъ отчасти японское теплое теченіе Курасива, нѣсколько умѣряетъ климатъ Сахалина, который безъ этого былъ-бы значительно суровѣе, благодаря омывающему островъ Сахалинъ съ востока и сѣвера Охотскому морю, представляющему собой маленькій Ледовитый океанъ, такъ какъ въ немъ плаваютъ такіе-же громадные льды, какъ и въ Ледовитомъ океанѣ, и вода бываетъ такъ-же холодна. Эти плавающіе льды и холодная вода Охотскаго моря не пропускаются въ Японское море теченіемъ Амура, впадающаго въ узкій и неглубокій проливъ Невельскаго. А черезъ проливъ Лаперуза, омывающій южную оконечность Сахалина, холодная вода Охотскаго моря не проникаетъ въ Японское море, потому что около самаго пролива течетъ упомянутое выше теплое теченіе Курасива. Лаперузовымъ проливомъ Сахалинъ отдѣляется отъ сѣвернаго японскаго острова Іезо, до котораго по прямой линіи отъ крайней южной оконечности Сахалина, мыса Крильонъ, 40 верстъ.

«Только благодаря суровымъ климатическимъ условіямъ, не можетъ быть названъ Сахалинъ жемчужиною Дальняго Востока»,—замѣчено вначалѣ этого очерка. И на самомъ дѣлѣ, несмотря на положеніе острова на широтѣ умѣреннаго въ сѣверной части, а въ южной—даже теплаго поясовъ, климатъ Сахалина очень суровъ. Причина того: во-первыхъ, очень близкое соприкосновеніе съ материкомъ Азіи, откуда, съ охлаждающихся зимою равнинъ Сибири, дуютъ холодные вѣтры, не задерживающіеся сахалинскими горными хребтами (вслѣдствіе ихъ незначительной вышины), во-вторыхъ, вліяніе холоднаго Охотскаго моря. Благодаря этимъ причинамъ, средняя температура сѣвернаго Сахалина равняется температурѣ сибирскихъ тундръ, а средняя температура самаго юга Сахалина такая-же, какъ и температура Петербурга. Лѣтомъ на югѣ Сахалина, исключительно благодаря Охотскому морю, значительно холоднѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Приблизительно на 30 процентовъ болѣе Петербурга выпадаетъ и осадковъ на Сахалинѣ, причемъ дожди выпадаютъ большею частью лѣтомъ и осенью. Проливъ Невельскаго зимою сплошь замерзаетъ и островъ Сахалинъ на это время становится какъ-бы полуостровомъ. Поверхность Сахалина почти сплошь покрыта горными хребтами, тянущимися въ длину острова, и только между этими хребтами расположены низменности со значительными рѣками. Вдоль западнаго и восточнаго береговъ сѣвернаго и средняго Сахалина тянутся два главныхъ горныхъ хребта, между которыми въ обширной низменности текутъ и главныя сахалинскія рѣки—Тымь и Поронай, достигающія до 200 верстъ въ длину. Горы Сахалина, какъ уже и было сказано, незначительны по высотѣ,—надъ уровнемъ моря ихъ вершины не подымаются выше 3.000 футовъ, но съ моря, вслѣдствіе того, что онѣ прямо изъ воды поднимаются стѣной, кажутся очень высокими. Такіе скалистые берега тянутся на очень большое разстояніе. Отъ самаго мыса Крильонъ до мыса Уанда, противъ залива Каст ри, западный берегъ Сахалина носитъ характеръ сплошной отвѣсной скалы, неприступной для мореплавателей. Къ сѣверу отъ Уанда, до самаго Татарскаго залива, западный берегъ плоскій, песчаный, но на востокѣ опять часто встрѣчаются скалы, чередующіяся съ низкими берегами. На восточномъ берегу Сахалина есть два довольно значительныхъ залива: Ныйскій и Терпѣнія, въ нихъ и впадаютъ главныя сахалинскія рѣки Тымь и Поронай. На всемъ остальномъ побережьѣ Сахалина значительныхъ заливовъ больше нѣтъ, а гаваней удобныхъ для стоянки кораблей нѣтъ и совсѣмъ. Найти себѣ пристанище у береговъ Сахалина могутъ только небольшія суда, входя черезъ протоки въ прибрежныя озера, образующіяся на низменныхъ берегахъ у устьевъ рѣкъ. Суда нагружаются на открытыхъ рейдахъ и, какъ только поднимается вѣтеръ, уходятъ отстаиваться въ море.

Только что перечисленныя здѣсь горы острова Сахалина являются его главнымъ богатствомъ. Въ ихъ нѣдрахъ скрываются залежи желѣзныхъ рудъ, свинцовыя руды, находятъ золотыя розсыпи, въ послѣднее время открыта нефть въ громадномъ количествѣ. Каменный уголь Сахалина давно уже всѣмъ извѣстенъ, толстые слои его выходятъ непосредственно на поверхность; подъ землею эти богатые и толстые пласты, достигающіе 2 - 3 саженъ въ толщину, тянутся на много верстъ. Качество этого угля знатоками признается очень хорошимъ. Всѣ эти богатства до сихъ поръ еще почти не разрабатывались, потому что добыча угля изъ трехъ рудниковъ до сихъ поръ руками каторжниковъ была очень незначительна и все дѣло вообще плохо поставлено.

Однако, не только глубокія нѣдра горъ представляютъ богатство Сахалина; его горы, а въ особенности низменности, покрыты такими лѣсами, какихъ нельзя встрѣтить нигдѣ. Огромному росту деревьевъ способствуетъ большое выпаденіе осадковъ при обиліи все-же южныхъ лучей солнца. Около половины всей поверхности Сахалина покрыто дѣвственной тайгой. Сѣверная часть Сахалина, какъ сказано выше, по климату схожа съ побережьемъ Ледовитаго океана и представляетъ собою сплошную тундру, но средняя и южная части острова въ большинствѣ покрыты лѣсами. На горныхъ хребтахъ лѣсъ представляетъ собою точную копію сибирской тайги, а въ долинахъ растутъ лиственныя деревья: береза, тополь, осина, вязъ, ива, и такой громадной толщины и высоты, какую только и можно встрѣтить въ хвойныхъ таежныхъ лѣсахъ.

Необыкновеннаго, поразительнаго развитія достигаютъ въ сахалинскихъ долинахъ и травянистыя растенія, поднимаясь выше человѣческаго роста. При этомъ сахалинскія травы растутъ такъ густо, что человѣку бываетъ часто не подъ силу пробраться сквозь заросли. Проходятъ по такимъ «лугамъ» только по протоптаннымъ раньше тропинкамъ. Замѣчаютъ необыкновенное явленіе, что въ началѣ лѣта сахалинскія травы достигаютъ полнаго своего развитія замѣчательно быстро—въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли. Въ числѣ растеній встрѣчается на Сахалинѣ, въ южной его части, и японскій бамбукъ. Въ сахалинскихъ лѣсахъ водятся въ изобиліи тѣ-же звѣри, что и въ сибирской тайгѣ: соболь, лисица, рысь, летяга, бѣлка, волкъ, медвѣдь. Водятся также кабарга и сѣверный олень. Представителей южныхъ животныхъ нѣтъ на Сахалинѣ, но пернатые обитатели сахалинскихъ лѣсовъ содержатъ до 12% японскихъ формъ. Остальные 88% птицъ на Сахалинѣ состоятъ изъ тѣхъ-же породъ, какія встрѣчаются и въ восточной Сибири.

Какъ и ископаемыя, богатства растительнаго царства на Сахалинѣ почти не эксплоатируются. Бичемъ сахалинскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ являются частые и страшные пожары. Тушить ихъ некому: прекращаются начавшіеся пожары тогда, когда уже все сгоритъ, или когда пойдетъ большой дождь, и бываетъ, что лѣсъ выгораетъ на громадныя разстоянія.

Кромѣ перечисленныхъ богатствъ—ископаемыхъ и расти-

тельнаго царства, значительное богатство Сахалина составляетъ замѣчательное обиліе рыбы у западныхъ береговъ острова. Во время хода сельдей, наблюдающагося ранней весною, въ апрѣлѣ и маѣ (онѣ подходятъ къ берегу для метанія икры), бываетъ такъ, что промышленникамъ и просто сахалинскимъ жителямъ не приходится даже ловить рыбу: она моремъ выкидывается на берегъ, образуя здѣсь цѣлые валы, и людямъ стоитъ только придти и брать сколько угодно рыбы изъ этихъ валовъ. Сельди вообще для метанія икры ходятъ стадами. У береговъ Сахалина онѣ идутъ такими массами, что съ берега видно ихъ движеніе на поверхности воды. Стремясь отложить икру ближе къ берегу, всѣ рыбы стараются приблизиться къ нему возможно больше и потому среди стаи происходитъ давка. Крайнія массы рыбы напираютъ на ближайшихъ къ берегу и давятъ ихъ. «Море дѣлается бѣлымъ отъ выпущенныхъ молокъ»,—замѣчаетъ П. Ю. Шмидтъ, путешествовавшій по Сахалину. Вотъ въ такое-то время стоитъ на морѣ образоваться даже незначительному волненію, чтобы массы рыбы были выкинуты имъ на берегъ. Тотъ-же, упомянутый выше, г. Шмидтъ приводитъ примѣръ, еще нагляднѣе показывающій, какая масса рыбы для метанія икры подходитъ къ берегамъ Сахалина. «Въ іюнѣ 1901 года,— пишетъ П. Ю. Шмидтъ,—мнѣ на западномъ берегу пришлось идти нѣсколько верстъ по ковру изъ икры сельди, выброшенной бурею на берегъ, засохшей и образовавшей толстый слой въ нѣсколько шаговъ шириною. Чтобы выметать такое количество икры, необходимо было присутствіе многихъ милліоновъ рыбъ».

Кромѣ сельдей, такими массами идущими въ теченіе нѣсколькихъ дней въ апрѣлѣ и маѣ, затѣмъ, въ нѣсколько меньшемъ количествѣ въ іюнѣ, ловятся еще на Сахалинѣ кета и горбуша. И та, и другая—изъ породы лососевыхъ. Кета похожа на семгу, горбуша—на нашего невскаго лосося. Эта рыба входитъ съ моря въ устья рѣкъ и для метанія икры идетъ до самыхъ верховьевъ рѣкъ. Ходъ ея начинается на Сахалинѣ изъ Охотскаго моря въ іюнѣ. Ловятъ ее также очень легко неводами и различными преграждеіями на ея пути. Кромѣ того, у побережья Сахалина ловятся громадные палтусы, бѣлуха, треска, бычки и проч.

Въ сахалинскихъ водахъ водятся киты и дельфины; въ заливѣ Терпѣнія на тюленьемъ островкѣ лежбище тюленей, среди которыхъ есть замѣчательные полосатые, и морскихъ котиковъ.

Кромѣ рыбы и морскихъ животныхъ, изъ моря у береговъ Сахалина еще добывается особая водоросль, имѣющая видъ глянцевитыхъ зеленыхъ ремней и носящая названіе морской капусты. Она съѣдобна и въ высушенномъ видѣ отправляется въ Китай и Японію, гдѣ употребляется, какъ пищевой продуктъ, бѣднымъ населеніемъ.

Если ископаемыя богатства Сахалина пока остаются еще почти въ дѣвственной неприкосновенности и совсѣмъ мало разрабатываются, то это нельзя сказать о морскихъ богатствахъ Сахалина. Рыба, напримѣръ, ловится въ огромномъ количествѣ, но добыча не приноситъ, къ сожалѣнію, тѣхъ плодовъ, какіе могли-бы получиться при другомъ веденіи дѣла.

Напримѣръ, добываемая почти безъ всякихъ трудовъ и въ такомъ изобиліи сахалинская сельдь, по качеству не уступающая шотландской, не приготовляется сахалинскими промышленниками для употребленія въ пищу, а служитъ матеріаломъ для выработки тука, который вывозится въ Японію для удобренія полей. Для приготовленія одного пуда тука губятъ четыре пуда сельдей и получаютъ за это всего только девяносто копеекъ.

Не много лучше обстоитъ дѣло и съ кетой, очень похожей по вкусу на семгу, и съ горбушей, сходной съ лососями. Ихъ солятъ не въ бочкахъ или чанахъ, а просто распластанныя рыбы складываютъ слоями въ штабели въ сараяхъ, обильно просаливая пласты. Отъ такого способа засола рыба получается непремѣнно съ душкомъ, такъ какъ штабели обвѣтриваются и рыба по краямъ штабелей разлагается.

Всѣ морскіе промыслы Сахалина фактически обрабатываются японцами. Три четверти всего количества промысловыхъ участковъ до послѣдняго времени имѣли хозяевами, т. е., арендаторами отъ нашего правительства, японцевъ и только послѣдняя четверть арендовалась русскими, да и то преимущественно одной большой фирмой; но и на арендованныхъ русскими участкахъ и рабочіе были японцы, и рыболовныя принадлежности—японскія.

Интересно, что промыселъ добычи на Сахалинѣ упомянутой выше морской капусты основался, благодаря предпріимчивости русскаго купца изъ Владивостока г. Семенова, который на этомъ дѣлѣ нажилъ большой капиталъ; основанной имъ фирмой и арендуется большинство изъ остающихся не заарендованными японцами рыболовныхъ участковъ.

Въ Европѣ о существованіи о. Сахалина узнали сравнительно только недавно. Первыя точныя свѣдѣнія о немъ дали только мореплаватели Лаперузъ въ 1787 г. и нашъ Крузенштернъ въ 1805 году. Однако, китайцы и японцы давно уже знали Сахалинъ. Въ то время населяли островъ его коренные жители—айны, гиляки и орочоны. Первые изъ этихъ народовъ—айны, правильнѣе айну (т. е., человѣкъ), совсѣмъ не имѣютъ общемонгольскаго типа и ихъ можно по виду причислить даже къ кавказской рассѣ. Крѣпкаго сложенія, съ темно-желтоватыми лицами, съ длинными, преимущественно, черными волосами на головѣ и густыми курчавыми черными-же бородами, они даже походятъ на русскихъ крестьянъ и отличіемъ ихъ служитъ только татуировка на губахъ и рукахъ до локтей. Этнографы до сихъ поръ положительно не рѣшили, къ какому племени причислить айновъ. Въ послѣднее время стали предполагать, что въ древнія времена всѣ Японскіе острова, Курильскіе и даже смежные съ ними были населены айнами и японцы произошли отъ нихъ вслѣдствіе смѣшенія съ переселившимися на Японскіе острова китайцами. П. Ю. Шмидтъ замѣчаетъ, что айны имѣютъ въ общемъ очень сходныя черты съ корейцами. Айны живутъ на Сахалинѣ осѣдло—поселками, въ просто, но довольно хорошо сдѣланныхъ юртахъ, въ которыхъ наблюдаются относительная чистота и достатокъ. Они—въ большинствѣ язычники, каждый мужчина имѣетъ по нѣсколько женъ; занимаются охотой и рыболовствомъ. Среди двухъ другихъ своихъ сосѣдей, туземцевъ Сахалина, айны производятъ лучшее впечатлѣніе, но вліяніе пришельцевъ-европейцевъ, принесшихъ съ собою на Сахалинъ болѣзни и водку, сказывается губительно и на айнахъ и среди нихъ замѣчается вымираніе.

Особенною неподчиняемостью вліянію такъ называемой «цивилизаціи» обладаютъ изъ сахалинскихъ народовъ гиляки. Живутъ они въ сѣверной части Сахалина и принадлежатъ къ монгольскому племени, но черты монгольскаго типа выражены не одинаково рѣзко у всѣхъ гиляковъ. Различаютъ даже два типа у гиляковъ: монгольскій или тунгузскій и другой—болѣе европейскій, безъ скуластости лица, безъ узкихъ глазъ, съ удлиненнымъ лицомъ. Вообще гиляки—коренастый народъ съ хорошо развитой грудью, короткой шеей, довольно короткими и нѣсколько кривыми ногами. Черные прямые волосы на головѣ гиляки-мужчины заплетаютъ сзади въ косу, а женщины—въ двѣ косы. Какъ и айны, гиляки живутъ охотой и рыбною ловлею, но приспособляются и къ современной жизни: нанимаются сторожами на зиму на рыбные промыслы, перевозятъ почту зимою на собакахъ, а лѣтомъ на своихъ пирогахъ—узкихъ, выдолбленныхъ изъ ствола большого дерева лодкахъ, въ которыхъ пассажиры могутъ помѣститься, только усѣвшись на дно и вытянувъ въ длину лодки ноги. Эти мелкосидящія пироги — суда, единственно возможныя для передвиженія по сахалинскимъ рѣкамъ. Вообще о передвиженіи по острову будетъ еще сказано ниже.

Орочоны, или орочи—самый жалкій изъ туземныхъ народовъ Сахалина; они родственны тунгусамъ и гилякамъ и по наружности похожи на нихъ. На Сахалинѣ орочи живутъ въ долинѣ Пораная; главное средство къ ихъ жизни—рыба, которую они частью сушатъ для собственнаго потребленія, частью продаютъ промышленникамъ за ситецъ, домашнія вещи, а, главнымъ образомъ, за водку и табакъ. «Посѣщеніе поселка орочей,—говоритъ П. Ю. Шмидтъ,—производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Коническія юрты изъ шестовъ, связанныхъ наверху и кое-какъ прикрытыхъ цыновками и древесною корою, представляютъ изъ себя не постройки, а скорѣе шалаши, которые не защищаютъ обитателей ихъ ни отъ дождя, ни отъ вѣтра. Сами хозяева ихъ, всѣ отъ стараго до малаго, носятъ явственные признаки вырожденія: испитыя лица, искривленныя спины и ноги, страшная худоба и слѣды всевозможныхъ болѣзней свидѣтельствуютъ о близкомъ концѣ этого племени. Особенно жалкое впечатлѣніе производятъ дѣти—рахитичныя, безъ кровинки въ лицѣ, покрытыя струпьями, невѣроятно грязныя, почти потерявшія человѣческій обликъ. Въ большинствѣ случаевъ у орочей нѣтъ ни собакъ, ни оленей, и прямо диву даешься, какъ перебиваются эти бѣдняки долгою сахалинскою зимою».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

ДНОВРЕМЕННО одинъ изъ нихъ, здоровенный парень, съ жирнымъ, веселымъ лицомъ, далеко не соотвѣтствующимъ его костюму факельщика, шепнулъ князю:

— Не уходите, сейчасъ вы увидите интересные фокусы.

Арсенію и безъ того было неловко уходить; публики набралось немало и всѣ, видимо, изумлялись его желанію уйти.

Снова началась балаганная болтовня о пивѣ, содержащемъ микробы, объ отравленіи имъ пьющихъ и пр., пока тотъ-же распорядитель въ костюмѣ факельщика, съ бритымъ лицомъ стараго актера, пригласилъ сидящихъ послѣдовать за нимъ въ сосѣднее помѣщеніе.

Почти темная комната, въ видѣ склепа, была уставлена каменными скамьями; прямо противъ нихъ виднѣлось узкое отверстіе, въ глубинѣ котораго стоймя помѣщался черный гробъ.

— Кто изъ васъ, братья, согласенъ показать остальнымъ, что съ нимъ будетъ въ могилѣ?—снова раздался голосъ актера.

Среди присутствующихъ послышались шутки, остроумныя замѣчанія, но никто не отвѣчалъ.

— Пожалуй, я соглашусь,—проговорилъ худощавый блондинъ и отправился въ отверстіе.

Его сейчасъ-же уставили въ гробъ, задрапировали бѣлой простынею, и подъ звуки разстроенной шарманки, ручку которой вертѣлъ все тотъ-же факельщикъ-актеръ, началось превращеніе живого человѣка въ трупъ, а затѣмъ и въ скелетъ.

Реально воспроизводимый процессъ даже на обладающихъ крѣпкими нервами англичанъ и американцевъ производилъ тяжелое впечатлѣніе; Кончетта была близка къ обмороку, она дрожала всѣмъ тѣломъ, судорожно сжимая руку Арсенія. Впечатлительный князь переживалъ тоже непріятныя минуты. Его разстроенное воображеніе рисовало ему на мѣстѣ стоявшаго въ гробу молодого человѣка Кончетту, и онъ мысленно содрогался. Какое-то тяжелое чувство овладѣло имъ вполнѣ; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы это отвратительное подражаніе поскорѣе окончилось, онъ рвался на воздухъ изъ этого темнаго склепа.

— Пойдемъ скорѣе отсюда!—громко сказалъ онъ своей спутницѣ, когда воскресшій юноша усѣлся среди публики.

Но уйти раньше другихъ было нельзя.

Пришлось снова смотрѣть въ сосѣднемъ, болѣе обширномъ помѣщеніи различные фокусы, устраиваемые тоже посредствомъ ахроматизма*). Кончетта немного оправилась и съ любопытствомъ простолюдинки смотрѣла на всѣ ухищренія, придуманныя французами для приманки публики.

— На бѣдныхъ братьевъ этого склепа!—прогнусавилъ одинъ изъ комедіантовъ, протягивая посѣтителямъ мѣдную кружку.

Снова послышались шутки, мѣткія словечки, которыя отпускали зрители, и въ кружку щедро сыпались монеты. Арсеній поспѣшно вышелъ на улицу; ему окончательно опротивѣли весь этотъ балаганъ, все это гаерство*), недостойное такой великой націи, какъ французская.

Кончетта нѣсколько разъ пробовала заговаривать съ нимъ въ продолженіе пути, но Арсеній молчалъ; онъ весь находился подъ впечатлѣніемъ только что имъ видѣннаго. Самъ того не сознавая, онъ боялся смерти, но въ особенности его пугала возможность потерять любимую дѣвушку, и потому, вернувшись домой, онъ взялъ Кончетту за руки, прямо взглянулъ въ ея красивые глаза и прошепталъ:

— Я счастливъ, Кончетта, ты жива и любишь меня.

XVIII.

Князь попрежнему проводилъ ежедневно по нѣсколько часовъ въ музеяхъ, такъ какъ у него появилась страсть къ искусству, а Кончетта совершенно перестала бывать съ нимъ вмѣстѣ, когда Арсеній отправлялся съ этой цѣлью.

— Я ничего не понимаю въ картинахъ и статуяхъ, мнѣ скучно,—откровенно сознавалась она Гостомыжскому, и князь, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ пробудить въ ней эстетическій вкусъ, отказался отъ своего намѣренія.

Но, оставаясь дома, дѣвушка скучала. Въ Парижѣ, кромѣ Дурайроли и его жены, у нея совсѣмъ не было знакомыхъ, она томилась ничегонедѣланіемъ. Колетта рѣшила ей помочь въ этомъ случаѣ и познакомила свою жиличку съ одной изъ своихъ пріятельницъ, содержащей модный магазинъ.

— Какая вы красавица, мадемуазель Кончетта!—не преминула при первомъ знакомствѣ польстить итальянкѣ послѣдняя, и этого было вполнѣ довольно, чтобы между ними завязались пріятельскія отношенія.

Жизнь Кончетты съ этого времени потекла веселѣе. Дурайроли и госпожа Ферменъ, пользуясь отсутствіемъ князя, знакомили ее съ Парижемъ и, благодаря имъ, итальянка скоро начала смотрѣть на все другими глазами. Еще недавно гордая любовью къ ней русскаго князя, она теперь стала относиться къ этой привязанности какъ-то презрительно.

— Онъ долженъ считать себя счастливымъ, что его любитъ такая красавица, какъ вы!—говорила не разъ модистка, обращаясь къ Кончеттѣ.

— Это вы правду говорите,—соглашалась съ нею дѣвушка.

— Да, онъ долженъ былъ-бы дорожить вами, а это—развѣ любовь, когда полдня онъ проводитъ внѣ дома? Кто знаетъ, можетъ быть, у него завелась какая-нибудь другая привязанность.

Кончетта задумалась; она все-таки въ теченіе этого времени привязалась къ Арсенію, и мысль, что онъ можетъ ей измѣнить, заставляла ее ревновать князя къ неизвѣстной соперницѣ.

— Неужели вы говорите правду?—еле сдерживая себя, глухо переспросила она собесѣдницу.

Мадамъ Ферменъ улыбнулась.

— Я не говорю этого относительно одного князя, а вообще относительно всѣхъ мужчинъ: вѣрить имъ нельзя.

— Что-же я должна сдѣлать, если это, дѣйствительно,—правда?—выходила изъ себя итальянка.

Колетта Дурайроли, переглянувшись съ пріятельницей, скромно вмѣшалась въ разговоръ:

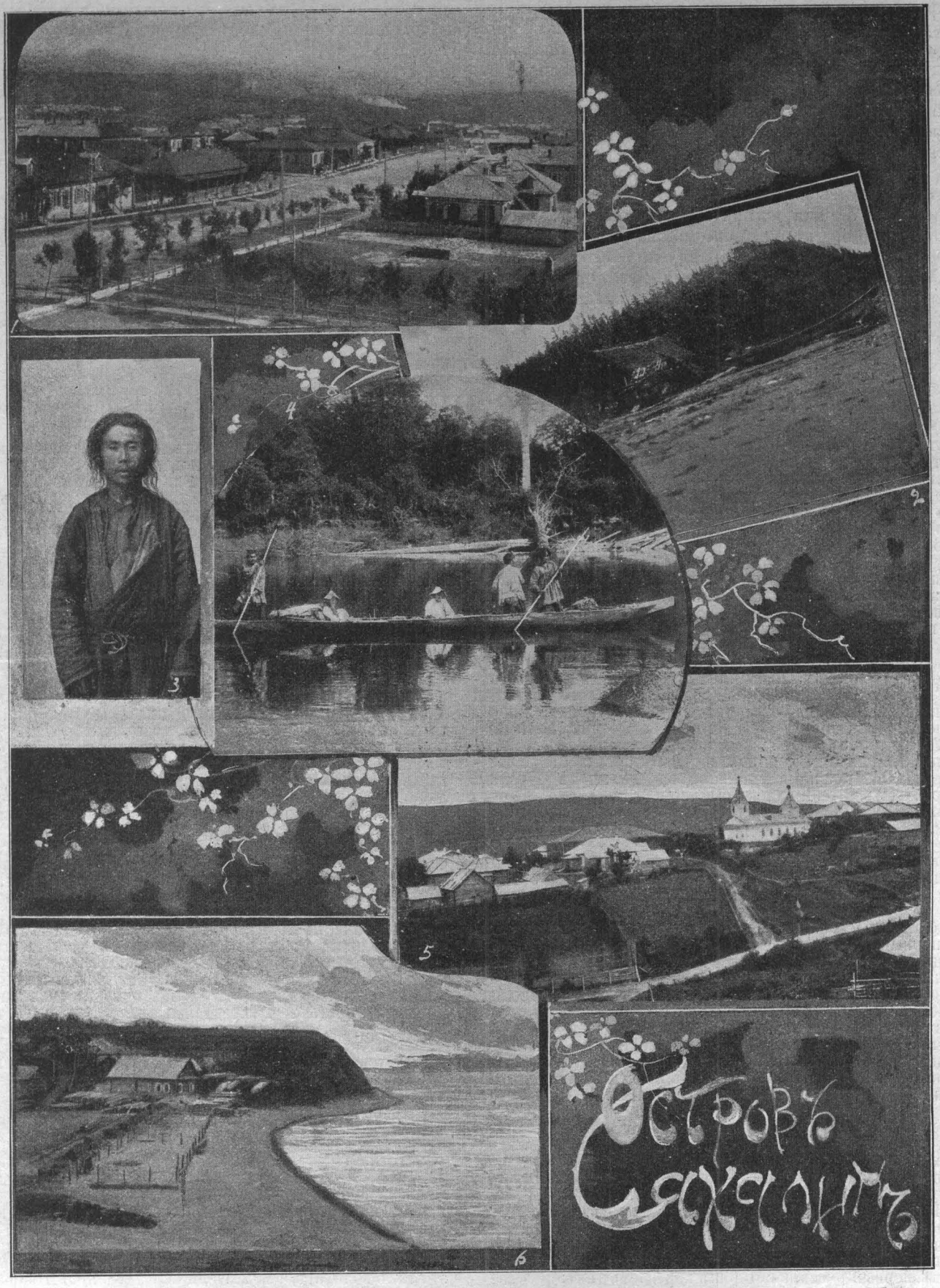
— Ахъ, дорогая мадемуазель Кончетта, это такъ, лишь одно предположеніе.

— Но если оно оправдается?..

Мадамъ Ферменъ улыбнулась и спокойно отвѣтила:

*) Преломленіе лучей призмой безъ окрашиванія, для чего употребляются стекла съ пропорціональнымъ распредѣленіемъ цвѣтовъ.

*) Невѣжественное издѣвательство ради потѣхи праздной толпы



ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

1. Главная улица поста Александровскаго. 2. Юрты айновъ. 3. Гилякъ. 4. Путешествіе гиляковъ на лодкѣ по р. Поранаю. 5. Видъ поста Корсаковскаго. 6. Берегъ моря у поста Корсаковскаго. По фотогр., доставленнымъ «Родинѣ» Н. Н. Ольшанскимъ.

— Самое простое—отмстить ему тѣмъ-же.

Кончетта все-таки не ожидала такого совѣта; въ сердцѣ ея сохранилась привязанность къ Арсенію, и о подобномъ отношеніи къ человѣку, до сихъ поръ искренне ее любившему, она боялась и подумать. Но ядъ, такъ искусно влитый въ ея сердце двумя пріятельницами, дѣйствовалъ.

Не прошло и двухъ дней послѣ разговора, какъ она снова обратилась съ тѣмъ-же вопросомъ къ модисткѣ.

— Я уже разъ назвала средство, что вы должны сдѣлать въ этомъ случаѣ...—отвѣтила та.

Кончетта начала слѣдить за каждымъ шагомъ Арсенія; она не вѣрила его словамъ и нѣсколько разъ, чтобы провѣрить, правду-ли онъ говоритъ, отправлялась въ музей. Убѣдившись въ ошибочности своихъ подозрѣній, она все-таки оставалась при своихъ убѣжденіяхъ. Новое чувство — ревность—заняло у нея все ея свободное время.

Но вмѣстѣ съ нею она чувствовала, что главный дѣйствующій импульсъ въ этомъ случаѣ, любовь, которую она питала къ князю, понемногу исчезалъ. Она дѣлалась совершенно равнодушною къ чувству Арсенія.

Письма бабушки приходили попрежнему часто, но, несмотря на ласковый тонъ, между строками ихъ читалось неудовольствіе на молчаніе внука. Полученные имъ аккредитивы на банки приходили къ концу, просить Анфису Матвѣевну о новой высылкѣ денегъ Арсеній не хотѣлъ.

Недостатокъ въ деньгахъ у князя замѣтила и Кончетта, передавшая объ этомъ своей пріятельницѣ-хозяйкѣ.

Въ душѣ молодой дѣвушки возникли сомнѣнія, дѣйствительно-ли Арсеній такъ богатъ, какъ онъ объ этомъ раньше говорилъ.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Лѣтомъ на прогулкѣ. (Къ рис. на стр. 769.) Подышать ароматомъ лѣса и луговъ, полюбоваться серебристой лентою рѣчки, извивающейся между зеленью луга и теряющейся далеко-далеко, тамъ, гдѣ верхушки лѣса, кажется, сходятся со спустившимся къ нимъ небосклономъ — вотъ истинное удовольствіе лѣтомъ! Взирая на красоты природы, человѣкъ забываетъ переносимыя тяготы жизни и эта жизнь начинаетъ казаться ему лучшею. Картина художника Ф. П. Мона, воспроизводимая на нашемъ рисункѣ, на которой съ такимъ мастерствомъ изображена красота природы, способная пробудить въ человѣкѣ чувство довольства жизнью, является поэтому очень большимъ вкладомъ въ сокровищницу искусства.

На рѣчкѣ. (Къ рис. на стр. 775.) Не велика «помога», да мила охота помогать въ помощникѣ. Да и самъ-то «помощникъ» милъ своей матери, и если даже «помога» его и помѣхой явится, и тогда мать не разсердится, а только развѣ лишній разъ поцѣлуетъ сынишку. На картинѣ академика Х. П. Платонова очень талантливо изображена эта безграничная материнская любовь. Глядя на лицо полощущей въ рѣчкѣ бѣлье женщины, обращенное на пожелавшаго вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подать матери валекъ сынишки, такъ и чувствуется, что всѣ помыслы ея слились теперь въ одной любви къ своему дитяти.

Домой съ пастбища. (Къ рис. на стр. 777.) Быстро минула ночь. За разговорами у ярко пылавшаго костра о невозможно страшныхъ, бывшихъ когда-то очень давно приключеніяхъ не замѣтили участники ночного, какъ началъ понемногу бѣлѣть востокъ, и очнулись только тогда, когда вспыхнулъ первый лучъ утренней зари. Наскоро былъ законченъ послѣдній разсказъ разсказчикомъ, мигомъ затѣмъ всѣ повскакали на первыхъ попавшихся коней, что паслись въ ночномъ; «коноводъ» заскакалъ впередъ, за нимъ сразу-же понеслись дружной толпой и свободные кони, отставшихъ и отбившихся подогнали забѣжчики съ боковъ и сзади—и скоро все стадо весело гналось полемъ по направленію къ селу. Жителямъ деревни это возвращеніе «домой съ пастбища»—знакомая картина, но и они не могутъ попенять на художника Вирушъ Ковальскаго, съ такою живостью передавшаго ее на полотнѣ.

Великій князь Василій III благословляетъ сына своего Іоанна. (Къ рис. на стр. 783.) Рисунокъ нашего художника В. Мужейля передаетъ трогательную сцену изъ послѣднихъ минутъ жизни великаго князя Василія III въ 1533 году—благословеніе имъ на смертномъ одрѣ малолѣтняго сына Іоанна. Василій III заболѣлъ внезапно на охотѣ. На его ногѣ появился нарывъ величиною съ булавочную головку, но, тѣмъ не менѣе, въ короткое время сведшій великаго князя въ могилу. Трогательную сцену, изображенную на нашемъ рисункѣ, первый русскій историкъ передаетъ такъ:

«Сіе было 3-го декабря. Игуменъ троицкій, Іоасафъ, тихо приблизился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: «Отче! молись за государство, за моего сына и за бѣдную мать его! У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ угоднику Сергію, клалъ на гробъ святого, поручилъ вамъ особенно: молитесь о младенцѣ-государѣ!». Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы и, пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ думныхъ бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина, и дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмого часа о новомъ правленіи, о сношеніяхъ бояръ съ великою княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею, но Василій не могъ ѣсть и сказалъ: «Смерть предо мною; желаю благословить сына, видѣть жену, проститься съ нею.... Нѣтъ! боюсь ея горести; видъ мой устрашитъ младенца». Братья и бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичъ и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ св. Петра митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ еленинъ, князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: «Буди на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ твоихъ! Какъ св. Петръ благословилъ симъ крестомъ нашего прародителя, великаго князя Іоанна Даніиловича, такъ имъ благословляю тебя, моего сына». Онъ просилъ надзирательницу, боярыню Агрипину, чтобы она неусыпно берегла своего державнаго питомца, и, слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и боярыня Челяднина вели Елену подъ руки: она страшно вопила и билась объ землю въ отчаяніи. Великій князь утѣшалъ ее, говоря: «Мнѣ лучше; не чувствую никакой боли»,— и съ нѣжностью молилъ успокоиться. Елена, наконецъ, ободрилась и спросила: «Кому-же поручаешь бѣдную супругу и дѣтей?». Василій отвѣчалъ: «Іоаннъ будетъ государемъ; а тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцовъ, я назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе». Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія; также благословилъ его крестомъ и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной. Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стонали. Она не хотѣла удалиться. Василій приказалъ вывести ее и, заплативъ послѣднюю дань міру, государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ».

Скончался великій князь въ тотъ-же день, спустя нѣсколько часовъ, успѣвъ въ самый моментъ смерти принять иночество съ именемъ Варлаама. «Пишутъ,—говоритъ историкъ,—что въ моментъ смерти лицо василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло, что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха отъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ».

Политикъ. (Къ рис. на стр. 785.) Кто-же теперь не занимается политикой? Занимаются ею не только молодые люди, а даже юноши, какъ-же ему-то не заниматься ею? Вѣдь, у него и жизненный опытъ, и воспоминанія. Родину любитъ онъ, пожалуй, еще съ большимъ пыломъ, чѣмъ пылъ иного нынѣшняго юноши. Какъ-же не почитать о козняхъ враговъ родины, о различныхъ дѣлахъ и шагахъ государства? Все, вѣдь, это такъ волнуетъ, а можетъ-ли человѣкъ прожить безъ волненій? Вотъ поэтому и ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ, когда, наконецъ, доставятъ газету, и, какъ доставили ее, сей часъ-же ушелъ въ садъ и принялся за чтеніе. На картинѣ А. Д. Муратова съ замѣчательной вѣрностью и яркостью схвачено особенное выраженіе лица «политика», погрузившагося въ чтеніе о міровыхъ событіяхъ.

Редакторъ-издатель А. А., Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 25-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: **Любъ-трава.** Истор.-быт. ром. графа Е. А. Саліаса. (Прод.) — **На окраинѣ.** Очеркъ Е. Лазореваго. — **Лѣтомъ въ столицѣ.** Стих. В. Щуренкова. — **Сахалинъ.** Очеркъ Н. Мяткова. — **Весенній захватъ.** Ром. Г. Т. Свѣрцева (Полилова). (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Лѣтомъ на прогулкѣ. Съ карт. Ф. П. Монъ. — На рѣчкѣ. Съ карт. Х. П. Платонова. — Домой съ пастбища. Съ карт. А. Вирушъ-Ковальскаго. — Великій князь Василій III благословляетъ своего сына Іоанна. Ориг. рис. В. Муйжеля. — Политикъ. Съ карт. А. Д. Муратова. — Островъ Сахалинъ. (6 рис.) По фот. Н. Ольшанскаго.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Прерванная партія. Разск. Нугарда. — Современныя невѣсты. (1 рис.) — Тріумфъ. (1 рис.) — Догадливый. (1 рис.) — По модѣ. Злободневный этюдъ Апулея. — Общество красоты. (1 рис.) — Отъ скуки. (4 рис.) — Магическій квадратъ № 5. — Логогрифъ № 40. — Магическая фигура № 10. — Шарада № 25. — Магическій квадратъ № 6. — Перестановка буквъ № 27. — Анаграмма № 5. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журн. № 23.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Личный составъ офицеровъ погибшаго эск. броненосца „Князь Суворовъ“. (Съ 1 группой.) — Штабсъ-капитанъ 100-го пѣхотнаго островскаго полка Л. Я. Гашкевичъ и поручикъ 25-й артилл. бригады Н. Я. Гашкевичъ. (Съ портр.) — Разрывъ шведско-норвежской уніи. (Съ 2 портр. и 2 рис.) — Бракосочетаніе германскаго кронпринца съ принцессой Цецилій. (Съ 1 рис.) — Въ Монголіи. (Съ 4 рис.) — Домъ для общежитія литераторовъ, выстроенный на средства г. Голубева. (Съ 1 рис.)

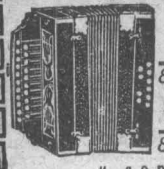
ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Популярно-научная и литературная библіотека „Родины“

„ЗНАНІЕ и ПОЛЬЗА“ 1905 г. Книга 6-я.

ГАРМОНІИ
ВѢНСКІЯ
СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ, МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ



2 хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 б. 12 б.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
16 р. 20 р. 24 р.
8 б. 10 б. 12 б.
и дороже.
Самоучитель 1 р.

ЛИВЕНСКІЯ
МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
$2^1/_2$ р., 3 р., 4 р, и 5 р
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА.
мѣдныя планки
$5^1/_2$, $6^1/_2$, $7^1/_4$, 8, 9 р.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
мѣдныя планки
$10^1/_2$, $11^1/_4$, $12^1/_2$, 14, 16 р.
Самоучитель 75 к.

РОЯЛЬНЫЯ
съ мѣдными планками
ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 12 р. $13^1/_2$ р. 15 р.

СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА
17 р. 20 р. 23 р. 28 р.
ДВУХРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
20 руб.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА 30 РУБ.
по полученіи задатка $^1/_3$ стоимости высылаю съ наложен. платежемъ.
И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛ. ИНСТРУМЕНТОВЪ
прейсъ-курантъ безплатно.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами
ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ
вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ
быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.
◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆
Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

АМЕРИКАНСКАЯ НОВОСТЬ!!
МУЗЫКАЛЬНЫЯ ГОВОРЯЩІЯ И ПѢВЧІЯ ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА
„ПИФЪ—ПАФЪ“

съ разными видами, подходящія къ каждому граммофону. 1) Музыкальныя открытыя письма передаютъ громко, долго и ясно различную музыку, какъ оркестровую, такъ и отдѣльныхъ инструментовъ, а также хоровое и сольное пѣніе, разговоры, куплеты, смѣхъ и проч. 2) Открытыя письма замѣняютъ вполнѣ употребляемыя до сего времени пластинки и могутъ служить одновременно открытымъ письмомъ для веденія различныхъ переписокъ. 3) Откр. письма художественно-артистически выполнены, съ разными иллюстраціями красавицъ. 4) Откр. письма могутъ находиться въ употреб. **нѣсколько сотъ разъ** на какомъ-бы то ни было граммофонѣ, начиная отъ самаго дорогого до дешеваго, **не теряя своей громкой игры.** 5) Открытыя письма высылаются **не менѣе 25-ти штукъ, за 5 руб. съ перес., 50 шт.—9 р. 70 к., 100 шт.—19 р.** Заказы исполняются **наложеннымъ платежомъ. Адресовать: Представители на всю Россію, Т-в., „Комета“, Варшава, Грибная, е—а.** 360

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.
Контора редакціи журнала „Родина“ проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ **при перемѣнѣ адреса прилагать старый адресъ,** по которому получался журналъ, **и 28 коп.** почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ—**тоже прилагать свой прежній адресъ и 25 коп.**

GRAND PRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364
Пров. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Только за 3 р. 75 к.

высылаю налож. платеж. безъ задатка изящные и прочные карманные мужскіе откр. часы изъ настоящаго французск. новаго золота **„Вѣкъ“**, 1-го сорта, **непозолоченные**, заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 р. Такіе-же глухіе—5 р. 50 к., 6 р. 50 к. и дороже. Дамскіе глухіе — цѣна 7 р. 50 к. Адресовать: Въ главный складъ французскихъ часовъ Михаила Якубовича въ Варшавѣ, Желѣзная ул., уг. Грибной—С. **Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ.** P. S. Премія: при заказѣ 5 шт. часовъ сразу прилагается 1 часы безплатно. **Остерегайтесь поддѣлокъ.** Обращ. вним. на марку **„Вѣкъ“.** 331

ДЕНЬГИ
БЕЗЪ ПОРУЧИТЕЛЕЙ
до 1.000 р. на годъ (и по особ. соглаш. до двухъ лѣтъ) предлагаютъ имѣющимъ: интел. службу, торговлю, движ. или недвиж. На безпл. высылку разрѣш. правит. условій прилагать конвертъ съ выписан. своимъ адресомъ и штемп. или накл. маркою. Предъяв. кред. бил. Б. Х. 275552, Главн. Почт. СПБ. 358

ДЛЯ ДАЧЪ и ДЕРЕВЕНЬ
ДЕШЕВО И ПРОЧНО. 340

12 столовыхъ ножей и 12 вилокъ, всего 24 предм., изъ одного куска лучшей стали, каждый красиво гравированный и никкелированный—6 р. то-же съ деревянными ручками за 12 паръ отъ **1 р. 50 к.** Знаменитыя безопас. бритвы **„Star“ — 3 р. 50 к. „Имитація Star“ — 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к.** Обыкновенныя бритвы отъ **75 коп** до **5 руб.** Машинки для стрижки волосъ съ 3-мя №№—**3 р., 4 р. и 5 р.**, для бороды—**2 р. 50 к., 3 р. 50 к. и 4 р.** Карманные ножи отъ **20 коп.** Походный ножъ—**1 р. 75 к.** Масса новостей. Иллюстр. каталогъ безплатно. **Т-во Плоховъ и Готтарди, С.-Петербургъ, Садовая,**

Волосы,
уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра **д-ра медицины Ю. Э. Фридлендера.** Высылается желающимъ безплатно изъ **главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13.** 365

Въ книжномъ складѣ журнала и газеты „РОДИНА“
С.-Петербургъ, Лиговская ул., собств. д., № 114, при главной конторѣ журнала «РОДИНА», и въ его отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Садовая улица, домъ № 20, третій домъ отъ Невскаго, и 2) Москва, Петровскія л ніи, противъ гостиницы «Россія»,
продаются слѣдующія изданія:

Королевскія Идилліи.
Десять поэмъ знаменитаго англійскаго поэта-лауреата **Альфреда Теннисона** въ полномъ **стихотворномъ** переводѣ **О. Н. Чюминой** съ иллюстраціями Г. Доре, Райда, Мэклиза и др., съ біографіей А. Теннисона, очеркомъ его литературной дѣятельности и статьей о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. **Единственное на русскомъ языкѣ изданіе поэмъ А. Теннисона.** Цѣна для гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“ безъ переплета **1 р. 50 к.** съ перес., въ переплетѣ **2 р.** съ пересылкой

РУССКІЯ БЫЛИНЫ.
I) Древне-кіевскій періодъ. Съ иллюстраціями профессора **Верещагина,** академика **М. О. Микѣшина,** художниковъ **В. Полякова** и **А. Скиргелло.** **II) Новгородскій и новѣйшій періоды.** Съ иллюстраціями тѣхъ-же художниковъ. Цѣна каждаго выпуска отдѣльно 1 руб. 25 коп., а оба выпуска вмѣстѣ—2 руб. Это изданіе содержитъ въ себѣ всѣ извѣстныя до сихъ поръ былины о богатыряхъ земли русской и отличается вполнѣ новымъ стихотворнымъ изложеніемъ и интересными иллюстраціями.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

Необходимы для домашняго употребленія. Образцовы въ конструкціи и исполненіи. Продаются только въ магазинахъ Компаніи Зингеръ.

Отпускъ машинъ съ платежомъ **отъ 1 рубля въ недѣлю.**

Безплатное обученіе шитью и моднымъ художественнымъ вышивкамъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ! Машины съ высокимъ рукавомъ во всѣхъ нашихъ магазинахъ отъ **25 р.** 1000 соб. магазиновъ!

Магазинная вывѣска. Рисун. утв. Отд. пром. и торг. Мин. Ф.

Правленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 28, собств. домъ. 653

Фабричное клеймо, которымъ снабжены машины.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!!
Туалетные часы съ зеркаломъ и музыкой.

Вы доставите много удовольствія себѣ, семейству и гостямъ, пріобрѣвъ самоиграющіе туалетные часы съ хорошей музыкой „Симфонія“, играющей очень громко и долго разныя красивыя и веселыя пьесы (вальсы, марши, польки, оперы, народн. пѣсни, какъ-то: „Боже, Царя Храни“, „Преображенскій маршъ“, вальсы: „Ожиданіе“, „Невозвратное время“, „За Дунай“, „Коль Славенъ“, „Камаринскую“, „Трепакъ“, „Возлѣ рѣчки“, „Евгеній Онѣгинъ“ и т. д.), со шлифованнымъ зеркаломъ парижск. выдѣлки, въ изящномъ полированномъ заграничномъ корпусѣ. Часы эти, кромѣ того, отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ часы вырегулированные до минуты, съ ручательствомъ за вѣрность хода и за непортящ. музыку на 6 лѣтъ, за налож. плат. безъ задатка. Цѣна вмѣсто 20 руб. только **6 руб. 75 коп. и 7 руб. 65 коп.** Адресовать: **Складъ часовъ Т-ва „УНИВЕРСАЛЬ“, Варшава, 18.**

Р. S. Для распространенія нашихъ часовъ прилагаемъ безплатно: 1) изящное кольцо съ фр. брил. или сапфиромъ, бирюзой, изумрудомъ, по выбору заказчика и 2) 1 металлич. календарь на 28 лѣтъ, показывающій: день, мѣсяцъ, число и годъ. Въ Азіат. Россію высыл. исключ. по полученіи 2 руб. задатка. 278

Д-ра Шиндлеръ-Барнай
„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“
противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ.

не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.)—30 руб. и ½ ящ. — 16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры „Кумысъ и его приготовленіе“ (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка Самарской губ., Б. Н. Постникову. 323

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • МОЛОКО НЕСТЛЕ

Съ будущаго № 26-го ПРЕКРАЩАЕТСЯ ВЫСЫЛКА

журнала «РОДИНА» гг. подписчикамъ, уплатившимъ **только ТРИ руб.** Ввиду этого контора редакціи проситъ озаботиться высылкой доплатныхъ денегъ.

При высылкѣ денегъ необходимо прилагать адресъ, по которому высылается журналъ.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!! **Туалетные часы съ самосвѣтящимся циферблатомъ, съ зеркаломъ и музыкой.**

Вы доставите много удовольствія себѣ, семейству и гостямъ, пріобрѣтя самоиграющіе туалетные часы съ хор. музыкой **„Симфонія“**, играющей очень громко и долго разныя красивыя и веселыя пьесы, вальсы, марши, польки, оперы, народныя пѣсни, какъ-то: „Боже, Царя храни“, „Преображенскій маршъ“, вальсъ „Ожиданіе“, „Невозвратное время“, „За Дунай“, „Коль славенъ“, „Камаринскую“, „Трепакъ“, „Возлѣ рѣчки“ и т. д., со шлифованнымъ зеркаломъ парижской выдѣлки, въ изящномъ полированномъ заграничн. корпусѣ. Часы эти, кромѣ того, отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ часы вырегулированные **до минуты,** съ ручательствомъ за вѣрность хода и за непортящуюся музыку на **6 лѣтъ,** наложен. плат. безъ задатка. Цѣна, вмѣсто **20 руб.,** только **6 руб. 30 коп. и 7 руб. Такіе-же часы съ вѣчнымъ календаремъ,** показыв. день, мѣсяцъ и число, цѣна **8 р. 90 коп. и 9 р. 75 к.** 312

Туалетное зеркало съ музыкою и будильникомъ — цѣна **8 р. 50 к. и 9 р.**

Адресовать: **Торговый Домъ „Жозефинъ“, Варшава, Грибная ул.,—а.—х.**

Р. S. Для распространенія нашихъ часовъ прилагаю безплатно 1 изящное кольцо съ французскими брил. или сапфиромъ, бирюзой, изумрудомъ, по выбору заказчика.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ **ОБЫЧН. ЗАПОРА**

Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.

Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора редакціи журнала „Родина“ проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ **при перемѣнѣ адреса прилагать старый адресъ,** по которому получался журналъ, и **28 коп.** почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ—тоже прилагать свой прежній адресъ и **25 коп.**

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих

отъ

ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16, кв. 9.**

БИЛЬЦЪ

ПЕРВОКЛАССНЫЙ САНАТОРІЙ

Dresden—Radebeul.

Проспекты безплатно. 3 врача, главный врачъ д-ръ медиц. Ашке. Чудная мѣстность. Успѣшные результаты леченія.

Гальманинъ 30-лѣтній УСПѢХЪ.

Всѣмъ извѣстный порошокъ противъ прѣнія тѣла, особенно ножныхъ пальцевъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ и другихъ препаратовъ подъ разными названіями, не достигающихъ своей цѣли. 477

Настоящій Гальманинъ обвернутъ въ англійскую коричневую бумагу съ водяными знаками „Гальманинъ Карпинскаго“ — „Mon meilleur camarade“ и получить его можно въ аптекахъ и аптекарскихъ магазин.

355. **ДАРОМЪ!**

высылаю иллюстрированный прейсъ-курантъ граммофоновъ. Цѣны баснословно дешевыя. Тонармъ — 30 руб. **Ф. Гольдманъ, Варшава, Г., Новолипье, 14.**

Рекомендуется врачами при **обычномъ запорѣ, плохомъ пищеваренія, мигрени, головокруженіи, геморроѣ, болѣзняхъ печени и запорахъ въ беременности и при кормленіи грудью и т. д.**

Доза: отъ 1 до 2 пилюль въ день.

Находится во всѣхъ главныхъ аптекахъ.

Требовать названіе:

CASCARINE LEPRINCE,

отпечатанное на каждой пилюлѣ.

Cascarine Leprince, 62, Rue de la Tour, **Парижъ.** 191

Сканировал reduktorer rutracker.org

Дозволено цензурою. Спб., 11-го іюня 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.